

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 43

1987

Галина КОВТУН

**ЖИЗНЬ И ПИСЬМА
ЛЕЙТЕНАНТА
ПРАВИКА**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Галина КОВТУН

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА
ЛЕЙТЕНАНТА
ПРАВИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Галина КОВТУН

Галина Алексеевна Ковтун окончила факультет журналистики Львовского государственного университета. Работала в заводской многотиражке, затем в республиканской молодежной газете. Сейчас она — специальный корреспондент газеты «Радянська Україна».

Эта книжка о Владимире Правике, Герое Советского Союза (звание присуждено посмертно), начальнике караула пожарных, первым вступившем в поединок с огнем при аварии на Чернобыльской АЭС.

Проходят дни, месяцы с той памятной ночи в апреле восемьдесят шестого, когда случилась авария на четвертом блоке Чернобыльской АЭС.

...В ту ночь дежурным начальником пожарного караула на атомной был лейтенант Владимир Правик, который первым бросился навстречу беде. Он во главе своих бойцов боролся с огнем, пока хватило сил, пока не потерял сознание. Его нет среди нас. Остались мать, жена, маленькая дочурка, остались друзья, товарищи. И еще — его письма, фотографии...

Каким изумительным человеком открываемся Володя, Герой Советского Союза Владимир Павлович Правик, в своих письмах к любимой, к невесте, к жене!..

...Они познакомились в Черкассах, когда Володя учился в пожарном, а Надя — в музыкальном училище. Это произошло в новогоднюю ночь, на балу в пожарном училище. Тут все было необыкновенным: стремительный весельчак Дед Мороз, взрывы хлопушек, дождь конфет. Она с подружкой стояла в уголке, как зачарованная.

И вдруг совсем рядом услышала:

— Как ты, Сашко, считаешь, сколько лет этой малышке?

Симпатичный курсант обращался к Деду Морозу, который больше напоминал веселого разбойника.

— Да лет двенадцать уже есть.

Конечно, очень обидно слышать такое, когда тебе уже все шестнадцать. Но Надя сделала вид, что слова к ней не относятся. А курсант шагнул прямо к ней.

— Разрешите вас пригласить, Дюймовочка!

Менялись мелодии, не менялся только ее партнер. Это был все тот же курсант Володя, друг Деда Мороза. Он и домой ее проводил: «Чтобы маленьких никто не обидел».

Володя покорила «детсад» сразу и навсегда. Договорились о встрече... И вдруг от него письмо: «Здравствуйте, Надя. Пишет вам Володя». Оказывается, не смог дожидаться назначенной встречи, так велико было желание «поговорить», «поделиться мыслями». Это было замечательно и удивительно, как в сказке. И эта сказка продолжалась все четыре года и четыре месяца, пока он был жив. За время их знакомства, дружбы, совместной жизни Володя написал Наде восемьсот(!) писем.

В письме признался ей в любви. Это было в январе. В письме предложил руку и сердце — это было в феврале. При встрече она просила:

— А ты скажи.

— О чем?

— О том, что написал.

Он отшучивался, говорил «о погоде и природе». Или же, улыбаясь, обещал:

— Лучше еще раз напишу.

Почталыон приносила и по два, и по четыре письма. Бросала их прямо в форточку. Менялся только обратный адрес. Сначала это были Чер-

кассы, потом, после окончания училища, Чернобыль. Володя сам сюда попросился. Отсюда родом. Здесь мама Наталья Ивановна, которую он очень любил. Здесь «атомка». Дело новое, интересное, перспективное.

Им долго пришлось быть в разлуке: Надя еще продолжала учиться. «Здравствуй, дорогая!»

С огромным приветом и наилучшими пожеланиями к тебе Володя. Любимая, я очень по тебе соскучился, иногда кажется, что мы больше никогда не увидимся, но гоню эту мысль, как кошмарный сон. Этого никогда не случится. Мы всегда будем вместе и никогда не пробегит между нами черная кошка. Мы будем всегда любить друг друга. Ты самый дорогой человек в моей жизни, и жизни без тебя я не вижу.

Сегодня уже двадцать восьмое августа, завтра-послезавтра ты приедешь в Черкассы и начнется новый учебный год, который приблизит моего любимую Надежду ко мне во времени, в пространстве же будем приближаться сами: хоть на день я смогу вырваться к тебе, моя любимая, чтобы увидеться. Как я жду этого дня! А там, наверное, и отпуск получу, и это все-таки двадцать суток наших встреч! Так много и так мало. Увидеть тебя, взглянуть в твои голубые глаза. Это счастье — видеть тебя веселой, по-детски беззаботной. Когда ты рядом, у меня за спиной вырастают крылья, и я не хожу, а летаю, становлюсь птицей.

Дела у меня на работе и дома идут хорошо, остальное ты сама, любимая, знаешь. Поздравляю тебя с первым студенческим днем. Нежно обнимаю, крепко целую. До свидания. Пиши.

Твой Володя».

А из Черкас в Чернобыль шли письма от Нади. Чаще вот такие же откровенные, искренние, лирические, где и про куст сирени, на которой она ощущает себя душистой кистью, а рядом такая же родная ветвь — его, Правикова, то о бесконечно тянущихся днях разлуки. Но приходили и такие дурашливые — для разрядки и настроения.

«Дорогой монарх Володимир свет Павлович!

Да pošлет тебе всевышний здоровья и крепости на многие лета, иже каждый вечер поклоняхуся великому творителю за твое житие. Сию грамоту пишет тебе низкопоклонно твой наместник в граде Черкассах — Кроха. Спешу уведомить, что обе твои грамоты и посылку доставили в целости и сохранности. За сие благодарю всенижайше. Ты, о великий, прислал кучу железа, имеющую форму колеса с ушками. Будь милостив объяснить назначение сих предметов. Неужели сие есть украшение?

Скучаю по тебе. Лобзаю ясные очи.

Писано лично мною. Кроха».

Поженились они в 1984-м, но еще целый год она оставалась в Черкассах. Володя говорил: «Впереди у нас целая жизнь. Все успеем».

Она получила диплом, приехала к нему в Чернобыль и стала работать в детском саду музыкальным руководителем. А потом им дали

в Припяти квартиру, однокомнатную, в чудесном месте: за окном начинался лес. Володя тут же издал приказ: «Отныне стиральная машина, пылесос и авоська навечно переходят в мое пользование. Как и кладовка, где вместо склянок-банок шикарно разместится фотолаборатория — она же универсальная мастерская».

Жизнь так прекрасно начиналась! Он жил работой, полностью отдавался ей. А еще выпускал «Комсомольский прожектор», «выбивал» квартиру для кого-то из своих хлопцев, конфликтовал с начальством — и такое бывало.

Приходил с работы усталый, но вдруг загорался:

— Полчаса на сборы — и в лес.

Выводили во двор свой личный транспорт — велосипед. Надя садилась на раму, и Володя нажимал на педали. Они находили черничные места и возвращались домой «как негры». Варили вареники, приглашали друзей.

А еще они любили бродить вечерами по улицам Припяти. И говорить, говорить. Вспоминали любимые стихи. Володя любил заглядывать в будущее, фантазировать. Как-то он написал Наде:

«Дорогой мой, милый человечек!

Мы нашли свою судьбу: так и должно было случиться, и нашим детям мы когда-то расскажем, как в голубой нашей юности встретились мы для счастья и жизни. Ведь все наши дни — это борьба за то, чтобы больше было добра и справедливости, честности, больше порядка. Для нас и детей наших.

Твой Володя».

Декабрь, 1984 г. Чернобыль.

...Дома каждый был занят своим делом. Володя выходил из «лаборатории», садился за стол и начинал писать. Она спрашивала:

— Что это ты там пишешь?

— Письмо.

— Кому?

— Тебе.

— Лучше так скажи.

— «Так» неинтересно.

Когда тебя так любят, очень трудно удержаться на высоте. Потому что любовь, как и слава, — большое испытание для человека. Однажды вечером, когда Володя был занят, Надя сказала:

— Правик, пошли в кино.

— Завтра... — донеслось из мастерской.

— Нет, сегодня.

— Ну... никак!

— Тогда я сама!

Но едва начался фильм, она побежала домой. А Правик стоял на балконе, будто знал, что сейчас Надя вернется. Может быть, кто-то не

поверит, но они никогда не ссорились. Спорили довольно часто и по разным поводам. «Чтобы понять истину».

А еще у них был свой условный пароль, слово-заклинание. Каждый раз, когда Володя шел на дежурство, Надя обязательно провожала его паролем пожарных: «Не гори!»

А когда родилась Наташка... Это он дал ей имя — в честь матери. Он и кроватку смастерил, цветы вырезал и еще летящих голубей. Раскрасил все яркими красками — для настроения!

Тогда, в апреле, Володя, как всегда, ушел в караул. Надя выкупала Наташку, накормила, уложила спать и стала стирать пеленки. В открытое окно залетал весенний ветер, цвели сады. Затихала перед выходными днями улица. Вдруг забежал Володя.

— Ты чего?

— Магнитофон возьму. Надо к празднику что-то веселое записать. Забрал магнитофон, наклонился над кроваткой:

— Манюню поцелую.

И ушел. Спешил. Она, как всегда, сказала ему вслед:

— Не гори, Правик!

Он улыбнулся в ответ.

А через несколько часов все это и произошло. И в минуты, часы той страшной борьбы с огнем... И не только с огнем — выплеснулась вся его жизнь. Он отводил беду от всего, что так беззаветно любил: от земли, на которой вырос, от матери, давшей ему жизнь, от любимой жены и дорогой его сердцу дочурки.

Володя Правик получил большую дозу облучения. И прожил еще шестнадцать дней. Умер в ночь, когда его дочке исполнился месяц. Все эти дни с ним была его мама — Наталья Ивановна. Только ей врачи разрешили. А Надя оставалась с ребенком. Володя написал ей письмо — последнее. Встретились они еще раз в Москве, в клинике. Он держался мужественно и все просил ее:

— Ты уходи. Там же Манюня. А я скоро приду. Я буду жить.

Похоронили Владимира в Москве со всеми воинскими почестями. А его Золотую Звезду вручили матери — Наталье Ивановне.

А письма... Вот они. Их привезла Надя из Припяти, когда ей разрешили там побывать. Они словно хранят тепло их дома.

Каждое письмо — это маленький рассказ, картинка, за которой — мгновения жизни. Читаешь — и будто вдруг каким-то пронзительным светом вспыхнет волшебный фонарик и так ярко высветит какую-то деталь, черту характера, эпизод из жизни этого удивительного человека. И все вокруг тоже как бы приобретает эту необычность. И кажется, что все, кто окружал Володю, общался с ним, несут в какой-то мере его черты. «Пока нас по-доброму помнят, мы живем». Таково уж, видно, свойство цельных натур — влиять на окружающий их мир положительно.

Хотя жизнь его была далеко не сахар. Хватало в ней сложных моментов, конфликтов, экстремальных ситуаций. «А у кого их нет — «борений жизни?» — любил он говорить.

Но очень важно, как человек проходит через эти «борения», какими средствами преодолевает их, что после себя оставляет. Читая, вчитываясь, перечитывая эти удивительные, уникальные в своем роде письма, ловишь себя на мысли, будто ведут они тебя по цветущей поляне его молодой жизни.

Беру письмо. И оно будто оживает у меня в руках — столько в нем теплоты и нежности.

«Здравствуй, Любимая!

С огромным приветом и наилучшими пожеланиями к тебе Володя, а вернее — твой будущий муж. Вчера отправил тебе письмо, а сегодня пишу вновь. Пишу потому, что не могу не писать, кажется, что не писал целую вечность и так за тобой соскучился, что и передать нельзя. Наденька, любимая моя, дорогая, не могу жить без тебя, всюду, везде ты со мной. Почти всегда куда-нибудь уйду и брожу наедине с тобой по вечернему городу...

Наденька, я очень рад, что у тебя такие хорошие подружки, так следят за тобой, что они стали моими союзниками. Аллу тоже принимаю в свой «союз» и задание первое ей будет смотреть за тобой, Наденька, чтобы ты всегда тепло одевалась.

Мои дела идут нормально. Дома тоже все хорошо. Мама уже решает, что подарить твоей матери на свадьбе. А тебе, Наденька, мама заканчивает вязать косынку, если понравится, будешь носить.

Любимая моя, знаешь, сколько писем твоих у меня? Ровно 44, и каждое приносит мне радость, оберегает меня от грусти, каждое уже знаю почти наизусть. Наверное, ни у кого нет столько ласковых, нежных слов. Ты единственная у меня, и я благодарю миг нашей встречи, рад, что комдив не пустил меня в отпуск, а замполит не был так строг и позволил уйти мне на вечер, где я и встретил самого дорогого мне человека — тебя, Наденька...

Послезавтра встаю на льготный квартирный учет и года максимум через три получу квартиру.

Сережка с Васей и, конечно, Сандер Волковский передают тебе преогромнейший привет.

До свидания. Крепко обнимаю, целую, люблю. Пиши. Декабрь, 1982. Чернобыль».

Письма, как живые, теплые, яркие радуги, соединяли их. Из Чернобыля — в Черкасы. Из Черкасс — в Чернобыль.

Я прошла по адресам Володиных писем. Встретилась с десятками людей. Это были его родные, друзья, соученики, знакомые, учителя, наставники, товарищи по работе и люди, сопричастные к трагической ночи в апреле, когда проявились вся полнота и самоотверженность его ду-

ши, вся стойкость его характера, его самоотреченность и высочайшая способность своей жизнью заплатить за жизнь всех бесконечно дорогих для него людей и тысяч, сотен тысяч незнакомых жизней — за нас с вами. Тех, кто теперь с вечной благодарностью произносит его имя — Владимир Правик.

Мне не довелось видеть Володю Правика в жизни. Но, возможно, мы где-то встречались среди человеческих потоков — так в это хочется верить! Мне как корреспонденту республиканской газеты приходилось бывать в «мирном» Чернобыле, где работал четвертый реактор и ничего не предвещало беды.

Возможно, среди сотен встречавшихся мне в этих прекрасных местах людей был и Володя Правик. Я даже уверена, что обязательно был. Мне кажется, что я даже вижу его открытую улыбку и чуть застенчивые глаза.

А может быть, это потому, что я смотрю на его дочурку Наталию — ей уже пошел второй годик. И она «выкапанный» папа, как говорят у нас на Украине, когда ребенок очень похож на отца. А Наташка такая копия... Мама Надя говорит, что и характер у нее такой же — правиковский. А выдумщица, а шалуныя...

Я бывала у них не раз. Сначала в Городище, на Черкасщине, куда Надя приехала с двухнедельной Наташкой из Припятти, тогда, в тревожном апреле, к Надиным родителям, где они жили, пока им не дали квартиру в Киеве. Новая квартира в новом доме. Тут живут припятцы. Семьи тех, кто там, на огненном рубеже вступил в смертельную схватку с разъяренным атомным вулканом и ушел в бессмертие. Семьи Владимира Правика, Виктора Кибенка, Василия Игнатенка... Их юные жены, вдовы... И память. Светлая, добрая, вечная память. Фотографии, письма, они уже стали документами, историей.

Смотрю, как Надя перебирает конверты, читает то одно, то другое письмо. «В шестнадцать — невеста, а в двадцать — вдова»... А рядом, Наталочка — Манюня, о чем-то своем аужает. Иногда так по-взрослому насушит бровки и вопросительно взглянет на мать, словно уже что-то понимает...

Прочитайте эти письма, вспомните еще раз открытое, мужественное лицо, честный взгляд. Его фото вместе с его товарищами — шеренга мужественных: Владимир Правик, Виктор Кибенок, Василий Игнатенко... Их имена и фотографии были напечатаны в те «чернобыльские» дни во всех газетах. И все мы так пристально гляделись в их лица, стараясь понять, откуда у этих мальчиков такое понимание долга, такое бесстрашие и самоотверженность? И сейчас нам дорого все, что связано с их судьбой. Чтобы не забыть, чтобы передать и детям нашим, каким он был, Владимир Павлович Правик, двадцатитрехлетний лейтенант, Герой Советского Союза.

О его письмах. Так и лежали бы они, не случись трагедия в их доме, в семейном архиве ровными стопками, перевязанные лентами. До-

рогой сердцу талисман. Письма его — Надя их сберегла. Письма ее — он сохранил все до единого. И когда соединились их судьбы, соединились и их письма. Сколько раз потом, когда Надя поймет, как может опустеть земля, она будет искать в этих конвертах ответ, чем ей жить дальше. Открывая их, эти письма, мы тоже как бы открываем материк прекрасной человеческой жизни. Узнаем, каким удивительно тонким и цельным человеком был их автор.

Вот самое первое письмо, которое написал Володя Наде тогда, в январе 1982 года, сразу же после знакомства в ту памятную новогоднюю ночь, когда они танцевали на балу, и потом он провожал ее домой. И это прохождение было тоже таким необыкновенным...

Весь город не спал. В домах светились огнями елки, в магнитофонах Высоцкий спорил с Окуджавой. Улицы были полны народа. Шли с песнями-прибаутками ряженые. Самодеятельные музыканты играли кто на чем: на гитаре, гармошке, балалайке, бубне и просто «на полене». При встрече они дурашливо кланялись «солдату-курсанту» и его «принцессе», «тыщяли» в карманы гостинцы — конфеты, печенье, орехи. «Цыганки»-ворожки предлагали угадать судьбу, рассказать «ую чистую правду»: «что было и будет и на чем сердце успокоится».

Надя пожалела, что нет у нее с собой баяна, а то она тоже рванула бы мехи; ее учитель музыки Владимир Владимирович Желудов всегда восклицал ее «форте»: «И где это в тебе, Надежда, берется такая сила! Ведь тебя даже из-за инструмента не видно. Одни уши торчат». Надя не оставалась в долгу, отвечала ему что-то в таком роде: «Ушки надо держать на макушке». А вообще, конечно, учитель прав: если подобрать по габаритам, то ей, наверное, больше подошла бы лютная или мандолина. Эдакое эфирное создание с крылышками за спиной. Но по характеру... Душа ее требовала таких созвучий! Поймет ли этот курсант все ее «форте» и «пианиссимо»?

Наде вдруг так захотелось вскинуть руки и стремительно сделать несколько грациозных выходов. Ее узенькие плечики под кошлудатой темно-бурой шубкой так и распрямились, подбородок гордо вскинулся, на голове — голубой берет с кудрявым хвостиком. Застыла в гордом повороте. И она бы пошла-пошла в танце, недаром занималась в художественной самодеятельности. Она и сделала пару «притопов». Искося глянула на своего провожающего. Володя стоял и смотрел на нее. Она нравилась ему! Это Надя сразу поняла. Потому что какая же женщина этого не увидит, не почувствует, не поймет, когда у него такое лицо! Надя уже не слышала, как пликает гармошка в руках «дядька Черевика», и стучит поленом об полено «Солоха», и бухает в руках «Черта» бубен. Ей казалось, что эту улицу, и город, и весь мир наполнили чарующие звуки Бизе, и она, Надя — Кармен, выходит в своем всепобеждающем «фуге». А он, Хозе — Володя, весь во власти ее чар. Но почему у него такое удивленно-напряженное лицо? Позже, гораздо позже, когда они уже стали мужем и женой и шли в такую же новогоднюю ночь по своей лю-

бимой Припяти и улицы тоже были заполнены новогодними карнавалами, столько было веселья, праздничных огней, и Володя бережно вел Надю среди этого поющего, пляшущего, веселящегося народа, потому что они уже ждали свою Манюню, свою Наташку... Короче, в новогоднюю ночь 1986 года они вспомнили тот их навеки памятный 1982-й Новый год и первый их вечер и провожание, и Надя спросила:

— Скажи, Правик, а ведь я окончательно тебя покорила тогда своим танцем?

Он обнял ее за плечи и сказал:

— Ты только не дерись, но тогда ты была таким маленьким смешным медвежонком в своей лохматой невообразимого цвета шубке. И ты так старалась. Я за тебя очень переживал. Мне все казалось, а вдруг ты споткнешься на своих непривычно высоких каблуках и покатишься шариком вниз. Ты же не заметила, что улица была наклонная.

— Правик, ты невыносимый, — скажет она ему, принимая, как всегда, его шутки, будто это самый лучший комплимент. Потому что она тоже не любила разных там сентиментальностей и свои эмоции тоже прятала за шуткой, может, иногда и язвительной, «издевательской», как говорил Володя. Но ведь важны были не слова, а та интонация, голос, каким было все это сказано. А с «интонацией» у них было в порядке.

Та первая и удивительная ночь закончилась, как оборвалась: подошел дежурный, развозящий по домам гуляющую публику автобус, и Володя посадил в него Надю. Потому что он, как потом выяснилось, «горел по всем швам»: он был дежурным на новогоднем вечере, и это дежурство было его «нарядом вне очереди», потому что он имел такое счастье, как сказал позже Дед Мороз, роль которого исполнял лучший друг Володи Саша Волковский, «подхватывать внеочередные наряды, как грипп, — на ровном месте».

Вот и этот, новогодний. Заложен он был еще загодя, еще летом. Курсанты получили задание: прорыть траншею. Для чего-то срочно понадобилась эта траншея. А знаете, как расшифровывается слово «курсант»? — Квалифицированная рабочая сила, активно неспособная трудиться.

И вот отряд курсантов с лопатами вышел на взятие штурмом позиции, где рука хозяйственника провела черту — «отсюда и досюда». Ширина и глубина! Острые математические умы тут же начали вычислять предполагаемую цифру вынутых «кубов», их вес, «порции на брата», количество «кидков», вдохов и выдохов. Короче, они принялись за работу. Володя тоже трудился честно, до седьмого пота. А потом был перекур, и один из траншеескопателей туго перетянул по талии свой обнаженный до пояса торс, втянул грудь в плечи и лег на молодую зеленую траву, изображая изможденного непосильной работой мученика, а другой воткнул у изголовья лопату, а третий щелкнул аппаратом: запечатлеть момент в память о траншее.

Они были так молоды, и даже усталость не выбивала из них этого неумного желания подурачиться, поскоморощничать!

Через день-два снимок был готов. Получилось здорово и смешно. Кто-то дорисовал — для убедительности — вокруг стриженной головы венчик терновый, кто-то мазнул накрест по рукоятке лопаты фломастером... Короче, получилась этакая «Голгофа». Посмотрели, посмеялись. Снимок долго где-то валялся. Потом опять кому-то попался на глаза. Уже зимой. Вспомнили лето. Опять посмеялись.

И надо же было, чтобы это «творение» увидел один из воспитателей. То ли ему не хватало чувства юмора, то ли было плохое настроение или просто в канун Нового года он решил пострадать своих воспитанников для порядка. Одним словом, он сказал, что это и неумно, и не смешно, более того, куржо нашей морали. Стал допытываться, кто да за чем нарисовал эту картину.

Присутствующие хмыкали, отворачивались, надеясь, что пронесет. Не пронесило. Тогда их тихоня и добряк Правик возьми и скажи: «Я это все сделал». Воспитатель и бухни: «Наряд вне очереди». Он потом, может, и пожалел, но слово молвлено.

Вот так и получилось, что Володя не поехал на Новый год домой в Чернобыль, в их уютный дом по улице Шевченко, 46, к маме Наталке на пироги. И напрасно выходил отец Павел Афанасьевич на автобусную остановку встречать Володю.

Семья Правиков работающая, вела обширное хозяйство: куры, гуси и качки, кролики, поросята, бычок на откорме — на сдачу государству. Сад, огород. Строения, пристройки и пристроечки... Отец плотник — вот все и стучал, стучал по хозяйству. А мать — медсестра Чернобыльской райбольницы, отдежурив смену, тоже окуналась в заботы по дому. И сыновьям, Володе и Вите, хватало работы: с ранних лет то кроликов кормить, то пасти гусей, полоть огород, чистить подворье, подметать. Отец любил повторять: «Чтобы служба медом не казалась». Детей держали в строгости, хотя и любили. Мать, Наталья Ивановна, души не чаяла в сыновьях, особенно любимчиком был старший, Володя. Позже она скажет с великой своей материнской болью: «Мы были с ним родственные души и понимали друг друга с полуслова».

Поэтому приезд сына, да еще на Новый год был для нее особенно праздником души. Не знала Наталья Ивановна, что звезды на небосклоне их жизни выстроятся в иной ряд и «волею судеб» Володя останется в училище и встретится там с Надей. Тихо, но верно выхватит ее «глазом пожарника», оценит обстановку, выберет позицию для атаки и начнет «блокировать объект», как любил подшучивать над ним верный его друг Саша Волковский.

Первую победу Володя одержал: получил согласие на свидание.

— А когда? — спросила Надя.

— Конечно, сегодня, — голосом, не допускающим никаких возражений, ответил он.

Договорились встретиться 1 января 1982 года в шесть часов вечера под часами у главпочтамта.

И побежало время. Какое там побежало! Оно тащилось, как телега. «Займемся сольфеджио», — решила Надя. Но вместо этого она начала припоминать, какой у него рост. «Популярный, средний. Годится! Волосы — темно-русые. Они, наверное, мягкие. Тоже неплохо: мягкие волосы — покладистый характер. Нос ровный, прямой, с маленькой горбинкой: гордый. Подходит, потому что, какой же это мужчина, если в нем гордости нет, как себе, что-то бесформенное и со знаком минус. Бемоль, одним словом. Я тоже гордая. Недаром мама говорит: «Ой, кому-то снятся кислички». Неужели они снятся этому симпатичному курсанту?»

Позже Володя рассказывал Наде:

— Я тоже тогда перенервничал. Во-первых, а вдруг ты не придешь? Во-вторых, а вдруг я тебя не узнаю? Гляжу, катится по площади эдакий шарик в шубе и голубом берете. Ну, думаю, моя идет, спешит.

Надя не осталась в долгу:

— Я же потому и спешила, что смотрю: стоит курсантик, замерз и весь дрожит. А рот до ушей.

— Та то ж я от волнения и восторга! — светится он.

С тех часов на Черкасском главпочтамте начался для них отсчет времени. Как много может вобрать в себя память! И как сохранит до мельчайших подробностей, где и взгляд, и слово, и молчание были наполнены таким глубоким содержанием, так все было важно и первостепенно! Ведь они узнавали друг друга, как бы соизмеряя каждый свой мир с миром другого, и радуясь, будто величайшему открытию, когда эти миры совпадали. «Кто ты? Готова ли ты принять меня? Такого, как я есть? Сможешь ли ты разделить со мной поровну все то, что припасла для нас судьба — тревоги и радости, трудности и печали? Сможешь ли ты войти в меня так же полно и без остатка, как я? Что любишь? Против чего восстает твоя душа? Что ее радует, а что печалит?»

Ах, сколько вопросов в шестнадцать и девятнадцать лет — и все они важные, первостепенные. И на все так хочется получить положительный ответ. Обязательно положительный, без всяких компромиссов.

А слов так мало. Вопрос — ответ. Молчание — взгляд. И опять пауза. Но надо даже уметь молчать. И Наде нравилось, как Володя молчит; не рассыпается в пошлых остротах и комплиментах, не старается забить ее дешевеньким блеском красноречия, где слова лишь слова.

Ей так хотелось рассказать, как часто она сама воюет с собой. С одной стороны, получается, вроде все в порядке, правильно. А тут будто из-за угла другая мысль ее пришибает: совсем-совсем не все так. Ах, как трудно найти ее, эту истину! Володя слушал эту «малышку» очень внимательно. Ее слова так были ему понятны. Ведь он тоже решал постоянно в себе эти внутренние проблемы. Постоянно «добро» и «зло» вступали между собой в схватку. Как легко было поддаться голо-

су искушений и выбрать какой-то облегченный вариант поведения. Решение — выигрыш! Но ведь так очень легко переступить в себе ту черту, которую провела в нас природа, отделив светлое от темного, черту, на которой происходит битва за человеческое в человеке. Это-то стремление к счастью, вечное стремление, которое присуще человеку, и должно быть основой нравственности.

Теперь вот эта девочка, которую тоже терзают подобные внутренние борения. А на вид такая «кнопка». Только пронзительно-синие глаза слишком честно вопрошают, слишком глубоко заглядывают в душу, чтобы отделаться каким-то легким экспромтом.

— Ты чего? — спросила Надя, заметив его серьезный взгляд.

— Постигаю, — улыбнулись его глаза.

— И долго это будет продолжаться?

— Возможно, всю жизнь. Смотря по вашему поведению.

И тут опять Надя на него «налетела». И высказала свое мнение о некоторых самоуверенных курсантах, которые надеются на легкие победы и очень глубоко ошибаются. И еще набросала всяких «психологизмов».

А тем временем они поравнялись с кинотеатром и Надя вслух прочитала афишу: «Будьте моим мужем». Володя тут же созорничал:

— Вы это серьезно?

Она не подала вида, что услышала его вопрос, хотя честно признаться, он ей понравился: какой вопрос, такой ответ. И спросила:

— Хороший фильм?

— Не знаю, — ответил Володя. — Но я имел несчастье взять на него два билета.

Они смотрели фильм и потом еще долго ходили праздничным городом. Володя рассказывал о своем пожарно-техническом училище, о занятиях, о товарищах. Надя — о своем музыкальном.

Как незаметно миновал этот вечер. Как вдруг наполнился он для них чем-то необыкновенным, неизведанным. Потом они признаются друг другу, что это было в их жизни первое свидание: его и ее. Они так много открыли друг в друге!

Не сказал Володя только, что на это свое первое свидание он пришел тайно — перелез через окно, потому что начальство не успело его еще помиловать, тем более дать увольнение. Поэтому оставался лишь один путь — «самоволка», что грозило крупными неприятностями. Но разве могло его в этот день что-то остановить?

Добро еще, что «начальство» потеряло бдительность, что были верные друзья-товарищи и сумели прикрыть надежно. Все обошлось «опять нарядом». Это повторится еще не один раз. Но об этом он ей не скажет. У него вообще, Надя это поймет и оценит позже, была такая черта характера: не говорить о своих неприятностях, не жаловаться и не портить никому настроения. Все свои неурядицы он носил в себе, и мало кто догадывался, что этот «тихоня и добряк» иногда так глубоко страдал от грубости, несправедливости, предвзятости, черствости, оттого, что не

умел юлить и кланяться, поклонствоваться и добиваться к себе благоволения выпрашиванием.

Они условились о встрече. Через неделю там же, тогда же. А спустя несколько дней вдруг приходит письмо.

«Здравствуй, Надя!»

С большим приветом к тебе с мест не столь отдаленных... Ты, наверное, еще не открыв письма, сразу догадаешься, кто это пишет. Конечно, я, Володя. Сегодня уже вторник, а с воскресенья, с того самого воскресенья, у меня полностью пропал интерес к этой брэнной жизни и я решил утопить свою грусть в наряде, развезть ее работой.

Я уже соскучился за тобой, честно говоря, даже не знаю, как я жил до этого времени, до конца 1981 года. Я даже благодарен тому, что не поехал в отпуск и встречал Новый год здесь, в училище.

В то время, когда я пишу это письмо, вокруг бушует жизнь, идет урок пожарной профилактики, но я от нее эдак километров за пятнадцать, не менее. Сегодня на занятиях рассматриваем проект какой-то ацетиленовой станции, и хоть это довольно интересно, никакая сила не остановит мое перо.

Дел сейчас столько... А впрочем, что писать, у тебя их не меньше. Ты вся там — в учебе, в музыке. Подготовка к академическому концерту...

У меня числа с десятого февраля начинается зимний отпуск, как о нем у нас говорят, «пять дней, которые потрясут курсантский мир». Так что еще целый месяц придется кантоваться в училище. Ну вот вроде и описал все свои новости.

Я не дождусь того дня, когда снова тебя, Наденька, увижу.

До свидания. Володя.

Черкаassy. Январь 1982 года».

А потом придет второе письмо, вслед за первым. И оно будет как бы продолжением его, как бы одним письмом. Потому что они не встретились ни через неделю: Володе не удалась даже «самоволка», даже попытка определиться «в караул» по городу: на то были какие-то местные соображения высшего порядка или просто дисциплина есть дисциплина! Не встретились и через две недели: Надя уехала домой на каникулы и об этом сообщила ему в письме. Но... Нет таких преград, которые стали бы на пути их писем, этих «весточек души», как называл их Володя. И это письмо начиналось так же, как и первое:

«Здравствуй, Надя!»

С теплым, солнечным, весенним приветом к тебе Володя. Почему солнечным и весенним? Да потому, что в то время, когда я пишу это письмо дорогому мне человеку, на улице светит солнце, совсем весною запахло. За письмо тебе огромное спасибо, оно стало для меня «лучом света в темном царстве» моего бытия. Ты пишешь, что с момента твоего исчезновения из города практически ничего нового у тебя нет, то это да-

же неверно. Ведь если принять во внимание и разобраться, то с человеком за одни сутки столько всего происходит, что можно написать поэму...

Я думаю над тем, что ты говорила о противоречиях своего характера. Так и должно быть. В человеке всегда борется добро и зло. И вся суть — в этой борьбе, в столкновении наших внутренних «я» рождается истина. И чем ожесточеннее эта борьба, тем будет точнее истина, тем поступок станет обоснованнее...

А то, что я стал мишенью твоих нападок, меня радует. Штурмуй, круши меня. И эти бомбежки станут для меня хорошим уроком психологии, ведь я в будущем командир-воспитатель. Я буду веселым и рука грусти меня не коснется. А ты скорее приезжай, я очень соскучился. Пусть все трудности пройдут стороной и дадутся тебе с легкостью.

До свидания. Володя.

Январь, 1982 года. Черкаassy.

Позже мама Володи Наталья Ивановна скажет:

— Он никогда не просил у меня денег на тряпки. А джинсы себе впервые сам купил на зарплату, когда окончил училище.

Мама Наталья сберегла все Володины табеля успеваемости и вывезла из Чернобыля. Я просмотрела их все. «Пятерки» и «четверки» при примерном поведении.

— А мы же никогда не заставляли Володю делать уроки. Как-то так получилось, что с первого класса он учился самостоятельно. И не было случая, чтобы нас с отцом в школу вызывали за какие-то Володины проделки, разве что на родительские собрания, да и то там его называли в числе лучших. Он не причинял нам никакого беспокойства. Не то что его младший брат Витя, от этого всего можно было ожидать, всяческих проделок. Только Володя, как старший брат, был для него «великим авторитетом», он его очень слушался. И любил с ним поговорить «за жизнь». Он очень гордился, когда Володя приезжал в форме курсанта, заходил в школу. Все мальчишки ему тогда завидовали. Володя тоже очень уважал свою форму пожарного. Он как-то даже так красиво сказал: «Форма тушителя пожара».

Не знала мать, что есть такой термин в пожарном деле: «руководитель тушения пожара» — то лицо высшего звания, которое первым со своим звеном или взвездями прибывает на место огня. На нем лежит главная ответственность: мгновенно разобраться в обстановке, отдать первые распоряжения и приступить всеми имеющимися силами и средствами к ликвидации пожара. Быть и оставаться ему в этом звании до тех пор, пока не прибудет лицо, чином и полномочиями выше.

Не знала мать, да и никто не знал, что так скоро ее старший сын станет первым «руководителем тушения пожара», страшного, невиданного по своей силе, коварного пожара, который необходимо было подавить любой ценой. В этой роли «РТП» он оставался целых полтора часа.

И, как потом покажут документы, свидетельства очевидцев: решения первого прибывшего «руководителя тушения пожара» начальника караула ВПЧ-2 Правика В. П. были правильными. Он руководил до тех пор, пока прибыл начальник их пожарной части по охране станции Леонид Петрович Телятников.

...Средняя школа № 1, в которой учился Володя Правик, была самая красивая в Чернобыле — новая, светлая, просторная, утопающая в цветах. Каждый класс, каждая стенка в коридоре были в ней соответственно оформлены, чтобы «максимально содействовать учебно-воспитательному процессу»: стенгазеты, «боевые листки», «молнии». Многие из них хранят и руку Володи. Он любил писать и рисовать. Это у него получалось, и его постоянно «привлекали».

В кадрах фильма о трагических днях Чернобыля промелькнул класс, где осиротело стояли в ряд глобусы. Покинутые глобусы в осиротевшей школе! Страшный кадр! Наверное, Володя Правик, ее выпускник, посетив ее в один из своих приездов, не мог предположить в самых своих фантастических предположениях, что она войдет в очерченный страшным смерчем круг тридцатикилометровой «зоны» и тут разместятся «объекты» и близко не напоминающие предназначение этого наимирнейшего объекта — тут станут на свой бивуак военные. Тоже мальчики, которые, повинувшись долгу, тоже пойдут на ликвидацию аварии. Вслед за ним. И тоже проявят высочайшее мужество.

В последний раз Володя Правик увидит свою школу, когда его, обожженного страшным огнем радиации, будут везти на машине 26 апреля 1986 года с максимальной допустимой скоростью из Припятской больницы в Москву, в радиологическую клинику. Какие чувства испытал он, проносясь по этим, таким знакомым и родным местам своего детства? О чем думал тогда, что вспоминал? Последний звонок, который звучал для него в такой же весенний день? Какие истины, вынесенные из стен школы, давали ему силу держать мужественно до конца?

«Смотри на каждую утреннюю зарю, как на начало жизни, и на каждый закат солнца, как на конец ее. Пусть каждая из этих кратких жизней будет отмечена каким-нибудь добрым поступком, какой-нибудь победой»... Володя Правик любил, как говорили его друзья, «покопаться» в мудрых книгах. У него даже была специальная записная книжка, куда он вносил понравившиеся ему «крылатые выражения»: о жизни, о предназначении человека, о дружбе и любви. Он искал у мудрейших ответы на интересующие его вопросы. Ему необходимо было авторитетное подтверждение своих мыслей. «Вооружался» для споров, дискуссий с товарищами. Нравилась ему широта высказываемой мысли, так лаконично и образно «ограненной» в художественную форму. Надя, жена его, с которой они могли говорить часами на всякие житейские темы, вспоминает, как Володя любил блеснуть какой-то редкой цитатой, вроде как запомнимшейся ей:

«Жизнь хороша даже тогда, когда по лицу текут слезы».

«Ненависть, как ни сильна порой, не самая сильная вещь на свете». «Безвременная смерть всегда забирает самых лучших».

— А кто автор? — спрашивала Надя, всегда любившая точность ссылок на источники.

Володя отвечал: Омар Хайям, Лев Толстой, Леонардо да Винчи, Гельвеций, Спиноза, Шекспир... При этом она заметила, что одна и та же цитата в разное время принадлежала разным авторам. Тогда Надя сделала открытие:

— Признайся, Правик, случайно, не ты ли сам творишь сии истины?

Он отшутился:

— А как бы ты хотела?

Она не осталась в долгу:

— Мне только еще «философа» не доставало.

Так тот разговор и забылся. Мало ли какие случались между ними «перестрелки» словами! Но сейчас, когда читаешь письма Володи, почему-то вспоминается эта деталь. Эта образность, искренность, желание так полно высказать свои мысли и чувства. И подкупающая нежность.

«Моя дорогая! Я буду писать тебе каждый день... А твои письма для меня, словно вода для растений. Они поддерживают меня. Иногда кажется, что не выдержу, брошу все и уеду к тебе...»

Вся моя тревога была разбита одним твоим словом «да». Наденька, теперь я знаю: ты принадлежишь мне и ничего не страшно. После нашего разговора я прыгал от радости, идя домой, и чуть не угодил в яму. Но радость была такой огромной силы, что я перелетел ее и лишь потом понял, что мог же и упасть в нее...

Это был наш счастливый день, весна смеялась вместе с нами, она радовалась нашему счастью. Невеста моя ненаглядная, а сколько нас еще ждет дней счастья? Я очень тебя люблю, и если необходимо будет отдать жизнь — отдам, лишь бы ты была счастлива, чтобы твое лицо никогда не застилала тень печали.

Не беспокойся за меня. Я люблю тебя, и наша любовь выдержит все испытания.

Крепко обнимаю и целую. Твой Володя».

Это письмо особенное. Его Володя написал, когда получил от Нади подтверждение, что его предложение «стань моей женой» принято. При этом между предложением и принятием его прошло несколько месяцев.

У них вообще все как-то очень оригинально получилось: через несколько недель после знакомства Володя объяснился Наде в любви — это было в январе. 28 февраля сделал предложение. Она запомнила эту дату, потому что был последний день месяца. Начиналась весна, их первая весна. Тогда она ему ответила, что еще о замужестве и не думает: ей предстоит более двух лет учиться, а он уже заканчивает учи-

лице. И что это будет за семья в такой долгой разлуке? Короче, там видно будет, время покажет. Притом все объяснения, предложения и ответы опять же в письменном виде.

При встречах они говорили о чем угодно, только не о любви. И это было так необычно: в письмах такие пламенные объяснения, а наяву разговоры о том...

Он: какие в училище у них толковые преподаватели, как интересно проходят занятия, особенно у «майора Миши», — так они с теплотой и уважением говорили о любимом преподавателе Михаиле Михайловиче Подколзине. О всяких забавных случаях в их бивуачно-келевой жизни... И что такое стационарный сухотруб, автолестница, ствольщик... А еще о всяких необычайных приключениях и историях при тушении пожаров. Пугал воображение этой девчонки! Вводил понемногу в свою жизнь и профессию пожарной службы, в которую, шутил, принимают за одно качество: «умение сутки проспать на одном боку»...

Она: о своем любимом преподавателе музыки «Желуде» — Владимире Владимировиче Желудове, который выжимает из них все возможные соки, о предстоящей неделе, которая для нее будет ужасной, потому что без двоек не обойтись: предстоит техзачет, «академ» по фортепиано, викторина народного творчества, контрольные по инструментовке и музлитературе, семинар по истории русской литературы. Кошмар, ей-богу. Как Желудов говорит: можно тихо повеситься.

Надя рассказывала все это «в лицах». Они весело смеялись. Как-то так получилось, что им всегда было интересно друг с другом. За дни, пока каждый из них нес свою нелегкую «службу науки», столько всего набиралось!

Так проходили дни. Они складывались в месяцы. Редкие встречи и частые письма. Володю послали в Киев на стажировку. И вдруг Надя забеспокоилась: как же так, тогда в феврале сделал предложение и с тех пор ни слова. Ни разу не подтвердил своего решения. А тут «прикортело девке замуж». И как человек активный и предпочитающий ясность во всем, Надя решила сама объясниться, не преминув при этом мысленно над собой поиздеваться: «Итак, она звалась Татьяной... Я вам пишу, чего же боле?.. Вы не оставите меня»...

Писать она не стала: зачем повторяться, хватит, что Володя написал. И вызвала его на «телефон». То да се, о природе и погоде. А потом спросила:

— Ты помнишь тот наш разговор?

Володя на всякий случай сказал:

— Помню.

Разве вот так, с трубкой телефонной в руке, вспомнишь все, «об чем» они говорили?

И тогда она ему объяснила:

— Понимаешь, я подумала, все взвесила и теперь тебе отвечаю, что я согласна на то, что ты мне тогда написал, 28 февраля.

Последовала длинная пауза. И Володя спросил очень тихо:

— Да?

Надя ответила:

— Да.

И Володя вдруг заволновался.

— Я очень плохо тебя слышу. Приезжай и повторишь еще раз.

И что вы думаете? Она в тот же вечер села в поезд и поехала в Киев. Поезд прибывал на вокзал очень рано, еще было темно, только сонные лампочки освещали перрон. Остановился вагон, и ее буквально сорвали со ступенек Вовчиковы руки. Она попала носом в охапку цветов. Это Володя с огромным букетом вихрем ворвался на перрон, буквально с приходом поезда. Оказывается, он всю ночь пешком шел с Рыбальского острова, чтобы встретить ее. Потом признался:

— На букет денег хватило, а на такси нет. Правда, тут запас тебе на шоколадку и «пепси».

Они шли по еще пустынным улицам. Просыпался город. Золотые купола Софии переговаривались в утреннем свете с куполами Лавры, раздался бой часов на площади Октябрьской революции. Тихо сияли голубые небеса над Днепровскими схилами... И Надя повторила:

— Да. Я согласна стать твоей женой.

И тогда он впервые вслух сказал:

— Я тебя люблю.

И впервые ее поцеловал. И она тоже запомнила это число. На всю жизнь. Потому что через четыре года в этот день родится у них дочь — Манюня, Наталочка.

Съели два килограмма апельсинов и выпили четыре бутылки «пепси». Обходили весь город, не уставая удивляться красоте его. И полюбили его навсегда. Считали городом своей помолвки, или как у нас на Украине кажут, «заручины». Два года длились их «заручины». Так тогда они между собой договорились: свадьбу справят, когда Надя окончит третий курс. Ничего страшного! Впереди целая жизнь! Так шутили.

Но когда Володя провел вечером Надю на вокзал и она уехала, он вслед ей написал откровенное и пророческое письмо. Строки его как заклинило: «Я очень тебя люблю. И, если необходимо будет отдать жизнь, отдам, лишь бы ты была счастлива, чтобы твое лицо никогда не застилала тень печали».

Что это? Самоотреченность глубокого чувства? Тревога за любимую? Предчувствие такой скорой, вечной разлуки с ней? Кто знает. Кто постигнет тайны нашего подсознания, кто объяснит внезапно возникшее чувство беспокойства, предчувствия каких-то неведомых бед?

А жизнь шла. Время летело. По письмам Володи Правика можно писать биографию тех дней. И его биографию — становления, мужания, хождения в службу.

«Здравствуй, родная!

3 часа 36 минут ночи. До утра совсем мало осталось, до конца сме-

ны тоже. Дежурство прошло спокойно. Могу тебя обрадовать, чтобы ты не волновалась, милая. Вчера на моем дежурстве обеспечивали порядок на республиканском стадионе, где проходил праздник 1500-летия Киева. Нет слов, чтобы передать эту красоту. Впечатления огромнейшие: представляешь, сто тысяч зрителей! Люди, люди и люди. Такие радостные, счастливые. Я просто онемел от переполнявшей меня радости и гордости. Как жаль, что не было тебя рядом, обидно, что все это я видел, а ты нет.

Как я хочу домой, в училище. Ведь Черкассы стали для меня вторым домом моим. Сейчас все наши уже, наверное, приехали со стажировки. Встретиться бы! Вернуться к тебе, мой цветочек. Я уже навострил уши ехать, но что-то команды нет и нет. Обидно, до слез обидно.

Но скоро мы будем вместе, и как мы будем жить, покажет самый главный судья, мерило всех и вся — Время.

До скорого свидания. Твой Володя.

28 мая 1982 года. Киев».

Володя нервничает. Ему так хочется к первому июня быть в Черкассах. Ведь этот день — день рождения Нади. Ей исполняется семнадцать лет. Его нареченной. Володя любил повторять:

— Июнь — наш месяц.

Действительно в июне у них обоих день рождения. Только у Нади первого. «Естественно, ты могла родиться только в такую дату — День защиты детей, — подтрунивал над Надей Правик. — А я, естественно, тринадцатого. Комментарии, как говорят, «Ой, не ходы, Грицю...»

Отпраздновали и первое, отметили и тринадцатое. Это, конечно же, были «даты», но не такие, как выпуск в училище Володиного курса. Кроме того, что это большое событие в судьбе курсантов, оно не меньше значило и в жизни их родителей. На выпуск приглашаются все родные и близкие. И Володя сказал Наде:

— Будут папа с мамой. И Витю, брата младшего, с собой возьмут.

Надо же он пригласил, конечно, заранее. И она готовилась. Вот как рассказывает мама, Наталия Ивановна, о том дне:

«Едем мы в машине — кум наш согласился нас привезти из Чернобыля аж в Черкассы. Въезжаем в город, а дальше дороги не знаем. Минули одну улицу, другую. Смотрим, девушка идет, в белом платье, с гвоздиками. Такая маленькая. Говорю куму: «Останови машину. Спитаем у цей дивчины, как тут краще проехать до того училища». Кум машину остановил и питае. А я смотрю на цюю дивчину, и так вона мне понравилась. Такая простая и приветливая. Все так гарно объяснила, что мы и не блукали.

Сразу и подъехали до пожарно-технического училища. А там народ, музыка играет. И курсанты в золотых погонах. Шукаю глазами Володю, и не бачу — вони все такие красивые и меж собой похожие. Все

офицеры. Он нас сам нашел. Поздоровался, посадил нас в тени, а сам куда-то зник. И довгенько его не было. Аж тут пидходит и оту дивчину за руку ведег.

— Знакомьтесь, — каже, — это Надя.

А мы ж уже будго и знакомые, бо там на дороге бачилися и розмовляли. Так ото уже целый вечер и не розлучалися».

И перебирает Наталия Ивановна сухой рукой фотографии. А на них ее сын любимый, Володенька. Вот он в строю с товарищами. Вот принимает присягу. Вот поздравляет его начальник училища с окончанием учебы и присвоением звания. А вот вся семья. Мать Наталия Ивановна, отец Павел Афанасьевич, младший брат Витя и старший брат Володя рядом с Надей. Тогда в училище и сфотографировались.

Мать долго всматривается в такое счастливое, такое молодое, красивое лицо своего сына. Ловит его улыбку и тоже печально улыбается: «Ого видите, какая я была полная да молодая. А теперь...» Худенькая, иссушенная горем, с глубокими тенями у глаз и печальной складкой у рта, в темном платье и платке, она напоминает тяжко раненную птицу.

Познакомились мы с Наталией Ивановной в Чернобыльской больнице, где она всю жизнь проработала медсестрой. Познакомились, когда она только что приехала из Москвы, где похоронила сына. И так тяжка была ее рана, что говорить тогда она не могла. Просто сидела рядом на скамейке и тихонько покачивала головой, будто горько беззвучно рыдала или колыбельную спивала. Или в своем скорбном материнском недоумении никак не могла понять: «Как же это, люди добрые, усе на цим свити есть: и сонце сяе, и цветы цветут и пташки гнизда вьют, птенцов своих выводят — жить бы только да радоваться. Да такой же молодой, да такой же добрый...»

И я не смогла найти слова, чтобы спросить тогда мать о ее сыне Герое, хотя и приехала, собственно, сюда с этой целью. И скажу вам честно: за все мои журналистские годы не было у меня труднее командировки и печальнее интервью. Просто я сидела и тихо гладила руку этой убитой горем женщины-матери. Так хотелось поблагодарить ее за такого сына от всех нас, людей. Но разве есть такие слова, которые были бы тут уместны? Да она бы их и не услышала. Только помню, мать произнесла тогда:

— Такая была красивая пара. Когда выходили на улицу, все люди оглядывались, любовались.

И еще:

— Все друзья его любили.

Теперь, когда прошел ровно год с того трагического дня в апреле, мы сидим с Наталией Ивановной в ее новом доме в Ирпени (тот, в Чернобыле, по улице Шевченко, 46 оставлен ими навсегда). В этом, в Ирпени, в первой комнате стол, на нем портрет Володи и цветы, цветы. В этой комнате — все о сыне. Его книги, тетради, табеля успеваемости, награды, его подарки ей, матери. Все, что смогла и позволили вывезти.

Самое дорогое. Мне запомнилась особенно резьба по дереву: дом, возле дома колодец с «журавлем», а на доме гнездо аиста и он сам в черно-белом оперении.

— Володя подарил. Он всегда мне старался что-то приятное сделать. Даже в больнице, там, в Москве, все спрашивал: «Мама, скажи, что бы ты хотела на Первое мая?» Хотела я ему ответить: «Сынок, самый большой для меня будет подарок, когда ты останешься жив». Да не сказала. Мы о печальном тогда старались не говорить. Хотя я с первого дня знала, а он догадывался, что не выйти ему из этих стен. Но он мне виду не показывал, а я ему. Так и держались до конца. Выйду в коридор, да прислонюсь к стенке и занемею. А плакать не могу. Володя же увидит, догадается, расстроится...

Ее тонкая рука медсестры, познавшая боль человеческую, выбирает из папки фотографий одну. На ней — такие brave молодцы, все в форменной, военной одежде. Среди них и Володя.

— Это его друзья, — говорит Наталия Ивановна. — Специально собрались и так сфотографировались в форме.

Я вспоминаю, как тогда, в дни своей величайшей скорби, она тоже сказала о Володиных друзьях и товарищах. Видно, это в судьбе ее сына было очень важным. Даже в письмах к любимой он обязательно передавал от них привет, хотя те с Надей и не были знакомы — Вася, Сережа, Саша, Витя...

Сережа Швайко был его другом детства, они на одной улице жили, вместе в школе учились, ходили на рыбалку, в лес. «Пацанчиками бьемся». Потом Володя уговорил Сережу тоже стать пожарным в его же части. И Витю Лазаренко. Он бы всех туда перетянул. Но Вася... отказался. Лучше трактора ничего нет.

Но появились и новые друзья — по службе.

Во время дежурств Володя вспоминает часто Черкассы. Время встреч, которого у них всегда так было мало, в обрез, но и за эти короткие отрезки они много успевали. Надя, так любившая музыку, свое училище, свои сольфеджио и партитуры, академконцерты, инструментовка, скоро поняла, что музыкальные тонкости до Володи не совсем доходят, что его образование по части скрипичных и басовых ключей ограничивается почти что на уровне: «Чайковский написал «Лебединое озеро», Глинка — «Иван Сусанин», а Хачатурян — «Танец с саблями». А любимая ария, как он пошутил: «Фигаро здесь — Фигаро там», намекая, что здесь — это с ней, Надей, а там — все остальное. Она, дочь учителя музыки, Ивана Андреевича Бородина, влюбленного в Моцарта и Паганини и в народные хоры, выросшая, считайте что, с пеленок, под звуки музыки и под разговоры о музыке, конечно же, не могла допустить таких «пробелов». И со всей страстностью своей натуры накинулась на «жертву», как определил свое положение Володя в этой битве. Но как «умная девочка», она поняла, что штурмом и с налета его не возьмешь, упретсяя

«рогом» и прости-прощай Скрябин и Вивальди. Но как взяться за это тонкое дело?

И тут Надежду осенила мысль. В одну из своих встреч она сказала:

— Вовчик, у меня такое срочное задание по специальности. Мне необходимо прослушать одну музыкальную запись. Будь добр, составь мне компанию, пойдем в библиотеку имени Маяковского, в зал для прослушивания грамзаписей.

Долго упрашивать его не пришлось:

— Пойдем. Коли надо, так надо.

И они пошли. Надя выбрала свою любимую оперу «Травиата». Усадила Вовчика поудобнее. И на всякий случай взяла увесистую книгу рисунков Херлуфа Бидструпа. Может, хоть юмор удержит его в кресле? Потому что при слове «опера» он состроил такую гримасу!

— Оперу я категорически не люблю. Сейчас, как видишь, другие ритмы. Они меня вполне устраивают.

Но зазвучала увертюра. Вовчик повел ухом в ту сторону и развернул книгу:

— Смотри, Надя.

В минуты особого душевного комфорта он любил ее так называть — ласково и нежно. И по-детски.

— Смотри, Надя, какое смешное «рыло», — и тихо засмеялся.

Он обычно смеялся так заразительно, иногда до слез. И Наде, глядя на него, неудержимо хотелось и самой смеяться так же всласть. В этих стенах он, конечно, не позволил себе такого святотатства: прикрыл рот ладошкой. Но глаза же не прикроешь!

Но печальные мелодии печальной любви Виолетты пока еще его не трогали. А Надя и виду не подала, что ее смешит какое-то там глупое «рыло». Она сурово сдвинула тонкие бровки и осуждающе взглянула на него, при этом погрозив пальцем. Потом друзьям рассказывал, как «ходил с Нанкой в оперу».

А тогда Надя сказала:

— Володя, ты мне мешаешь. Я же просила.

— Молчу, молчу, раз обещал. Тут дело такое. Насильно мил не будешь.

Но тут вдруг «поставил ушки на макушке»:

— Нанка, а ведь слышишь, тут такая красивая мелодия. Вроде и не опера. Мне нравится.

И стал слушать. Очень внимательно. И «Бидструп» лежал, раскрытый на середине.

Нет, победа была не мгновенной. Но они стали, особенно когда на дворе слякоть и дождь, часто бывать в этом уютном зале. Выбирали записи музыки классической, современной. Слушали, молчали или листали репродукции картин. Надя говорила: «Давай побродим по картинным галереям». И они «бродили». Веласкес, Гойя, Тинторетто, Джотто, Эль Греко, Ренуар, Моне, Мане, Серов, Нестеров, Врубель...

На всю жизнь у них останется потребность общения с прекрасным. Уже когда Володя будет в Чернобыле и позвонит Наде по телефону, — а этих звонков было не меньше, чем писем, если не больше, — когда он позвонит, то первые слова его будут:

— Как тут красиво. Какая природа. Это и Нестеров и Шишкин, и Левитан, вместе взятые. А как поют птицы, Наденька. Такой музыки ты еще не слышала! Это настоящий гимн жизни. Приезжай и все это увидишь.

А она ему говорила, что, конечно, все это хорошо и, конечно, эта их Чернобыльская «картинная галерея», в которой расположена птичья филармония, у них на всю жизнь, и она счастлива, но ее одолевают «проклятые бюрократы». Она не может до сих пор получить паспорт. В Городище ее футболият на Черкассы, а оттуда — наоборот. И эти справки, справки... А в письме она писала, что очень тревожится за него, что «лучше в Тюмень, на Камчатку, на Сахалин и Северный полюс», только не на «атомку», что не лежит ее душа до этих «котлов», заправленных таким адским зельем, и что чем больше она узнает его, тем больше растет в ней тревога потерять. «Обязательно куда-то голову всуешь».

Тогда Правик написал ей письмо:

«Здравствуй, дорогая, милая Наденька!

Я так люблю получать твои письма. Эти весточки твоей души. Ты за меня больше беспокоиться, чем за себя. Ну разве так можно? Разве может со мной что-то случиться, тем более, что я сейчас не тушу пожары, а готовлюсь к соревнованиям? И потом, обещаю, я буду послушным мальчиком. Не переживай. А лучше за собой смотри, ведь тебе так поздно возвращаться с занятий, а темнеет так рано...

До свидания. Володя.

Чернобыль. Сентябрь 1982 г.».

А еще у них были всякие «оказии». Вот как эта, о которой так живописует Володя. У Нади всегда было слабое здоровье. «Болячки настигают меня за каждым углом», подтрунивала она над собой. И родители, пользуясь наименьшей возможностью — «окнами» между занятиями, старались выпроводить дочку на море. А море — это Надины бабушка и дедушка, живут они в селе Покровке Очаковского района Николаевской области. Вот туда и уехала Надя с младшим братом Андрюшей. Естественно, меняется и адрес писем Володи:

«Здравствуй, мой любимый Морской Волк!

Вот уже полтора месяца нашей разлуки, если это можно так назвать. Это, скорее всего, что-то временное, но не разлука. Твое сердце бьется рядом с моим у меня в груди. Таким образом, у меня две души, моя и твоя. И нельзя их разделить. Это наша душа!

Сейчас на улице идет дождь. Как из ведра. В этот дождь как-то тяжело на сердце. А вдруг вас застал дождь на пляже и вы застудитесь? Смотрите, Наденька, пожалуйста, за собой и Андреем. Ведь он маленький,

но тоже уже Морской Волк (младший). Смотри, Наденька, с морем не шутят и не надо обрастать водорослями и становиться рыбой. Русалки из тебя все равно не получится. У тебя, солнышко, волосы-то кучерявые... Вот так-то...»

«Наденька, поздравляю с «саном»: ты уже заочно проходишь, так сказать, практику в воспитании детей. Это надо. Понимаешь ли? Ведь я хочу, чтобы первым у меня был сын, вторая девочка. Как ты на это смотришь? Я не шучу, вполне серьезно.

Милая ты моя, ненаглядная Ромашка, скорей бы ты уже приезжала. И в то же время хочу, чтобы дольше отдохнула, ведь в Черкассах отдыхать не придется. И, будь моя воля, то еще бы месяца на полтора продлил бы каникулы, не больше. А то бы я тут не выдержал, умер бы, наверно...

Передавай всем привет. Пиши. Очень жду.

Навек твой Володя!»

А вслед за этим пришло второе письмо. За ним третье — о том, втором, с «оказией».

«Здравствуй, моя единственная!

Вот такая получилась оказия. Не могу простить себя за такое легкомыслие. Я написал тебе письмо, но не рассчитал, что тебя там не будет и его получишь не ты, а твоя бабушка. Что она подумает, прочитав?

А теперь серьезно. Дела мои идут нормально. Уже работаю я в городе Припять, куда и хотел попасть. Отпуск отгулять не дали. Сразу вышел на работу, и так началась моя трудовая жизнь. Сашка (помнишь, Дед Мороз?) передает тебе привет, такой огромный — с него ростом. Теперь мы с ним работаем вместе, начальниками караулов. Будем тушилами пожаров. Только вот такое дело: есть начальники, есть и замы, а вот работать некому. Вот и ищем народ на работу, ездим по селам. Плохо, конечно, что без отпуска, но что поделаешь — обещают где-то осенью. Вот и приеду к тебе, моя ненаглядная.

Был свидетелем или, как у нас говорят, старшим боярином на свадьбе. Видела б ты, какая в деревне свадьба. Грандиозная! А какие там грязи, особенно после дождя. Прошел пять метров и чистить обувь надо. Но это мелочи по сравнению с весельем. Так что готовься к свадьбе.

Не скучай! Пиши. Твой пожарный.

Осень 1982 г. Чернобыль.»

Был Володя на свадьбе у своего друга Саши Анохина. Они вместе учились в Черкасском пожарно-техническом. Саша взял Володю старшим «боярином», как самого близкого и уважаемого им человека. «Боярин» — это как свидетель и в то же время ответственное лицо за всю последующую жизнь молодых. «Боярином» ему приходилось быть не раз. Как-то негласно за ним установилась репутация человека, приносящего счастье в дом. Вообще, у Володи была притягательная сила в характере, в манере разговаривать с людьми, в умении слушать, понимать, со-

переживать и, если была хотя бы малая возможность, обязательно помочь. Тут уже он не считался ни со временем, ни с затратами сил. У кого-то переезд — зовут Володю. Кто-то начал ремонт, обязательно спросит: «Не нужны ли свежие силы?» Не поладили молодые — была у них в части такая «парочка» — бегут по очереди к Володе: «Он меня не любит!..», «Она меня пилит», «Ты начальник, ты и разбирайся». И начинает он проводить «профилактику» поочередно. Смотришь, вместе в кино пошли. Уже и забыли, какие «кошели» (корзины) друг на друга плели. «Приходи, Павлович, к нам чай пить», — приглашают, улыбаются. И он им улыбается. «А как же, обязательно приду, если вы обещаете, что меня не побьете. Ведь примирителю попадает всегда первому». Смеются. Хорошенький смех. А хлопцы по караулу шутят: «После таких «примирений» Павлович домой по два килограмма седых волос приносит». Преувеличивали, конечно. Но нервов это стоило. Да кто их считает, те нервы!

Особенно, если это касается работы.

«Есть начальники, есть и замы. А работать некому. Вот и ищем народ на работу, ездим по селам». А это значит, что ни свет ни заря выкачывал Володя из-под навеса своего дома — жил он в Чернобыле, у родителей, — отцовский мотоцикл, и чтобы Павел Афанасьевич не видел, потихоньку катил его на улицу. Отец не любил, чтобы «добро из дома вытаскивали». Был он мужик хозяйственный, все, что в доме было, да и сам дом сработал своими мозолистыми руками. Недаром про него Наталия Ивановна под настроение говорила: «И швец, и жнец, и на дуде игрец». То есть и столяр, и плотник, и каменщик, и слесарь. Поэтому и дорожил нажитым добром, берег. А тут этот «лейтенант», что ни день, то «тур-тур», «тур-тур» — заводит «технику» и пошел куролесить по дорогам. А дороги по ихнему Полесью «знамениты», особенно сельские, — рытвины да ухабы. При одном представлении, как на них достается его «коню» (так он любовно называл свой «ИЖ»), Павел Афанасьевич аж глаза закрывал — от боли. Будто он сам по тем ухабам сняжки себе набивал.

— Государственный требуй, — советовал он. — Государственные более выносливые. У них же опять-таки и ремонт государственный. А тут полетит подшипник...

— Добре, батя, ты не беспокойся. Так и сделаем. Вот маленько наладим дело и такая техника пойдет, что душа радоваться будет.

Лицо отца отмякло:

— Душа, говоришь...

Но все равно не мог удержаться, чтобы не дать полезного совета:

— Ты там притормаживай. И вообще полегче. Это ж тебе не чурбан какой-то. Тоже «душа», только техническая.

И уже совсем вслед:

— На обратной дороге сенца в лесу подкоси. Кролики тебе спасибо скажут. Тоже «душа» живая.

Какое там сенцо! Володя о нем и забудет тут же, потому что у него одна дума, где тут хлопцев хороших на «атомку» раздобыть. Чтобы и после армии — выучка солдатская нужна! Чтобы «душа» у них была на месте, а не в пятках. Потому что с огнем шутки плохи: тут самообладание, и отвага, и стойкость необходимы в первую очередь. Чтобы технику знал и любил — век технический, служба на колесах. Чтобы в чарку не заглядывал. Правик сам этой чарки не употреблял и у других не выносил. Ну и еще, и еще всяческие «качества».

Вот так начнет он где-то в сельсовете или с председателем колхоза вести речь о желаемой «кандидатуре», а ему:

— Миленский, да такие только на небе с ангелами-херувимами чай пьют. А у нас на грешной земле...

Которые пооткровеннее, те просто говорили:

— Проезжай, лейтенант. Есть такие, но не дадим. Самим нужны.

И тогда приходилось проводить разведку боем, полагаться на пожарную смекалку. Только не отступать!

Часто он в дорогу отправлялся с друзьями. Ехали лесами. Остановив где-нибудь на лесной поляне мотоцикл, Володя собирал букет цветов для своей Нанки. А привозил его поздно вечером домой и вручал матери, Наталии Ивановне. При этом Павел Афанасьевич бурчал добродушно: «Это и все «сенцо», трясца его не туды». И шел осматривать свою «технику».

...Наконец, караул подобран. Хлопцы молодые. Как и их двадцатилетний начальник караула, которого они, не сговариваясь, называли между собой по отчеству Павловичем.

Летели недели. Отпуск все отодвигался, а они с Надей так давно не виделись. Володе все не удается хоть на день вырваться в Черкассы к своей невесте. Остаются телефон и письма.

Иногда письма задерживались на день — два — три, находилась работа, которая поглощала его целиком или где-то не срабатывала почта, и тогда уже в адрес Чернобыля шли «весточки души».

«Здравствуй, Володя!

Честно говоря, первый пишу первый раз в жизни. Быть может, я не права? Разлука только-только началась — ведь всего одиннадцать дней, а мне кажется, что прошло уже одиннадцать лет.

Брат Шурка издевается: «Думаешь, зря тебе паук снился? Это Володя тебя разлюбил». Видал такое?

Придумывать причину твоего молчания у меня уже фантазии не хватает. Остается одно: тебя украли пришельцы из космоса. А если серьезно, то это жестоко с твоей стороны так мучить меня. Но я оптимистка и надеюсь на счастливую развязку. Наташка передает тебе привет и говорит, что ты украд у нее лучшую подружку. Она права, раньше моя душа принадлежала ей, теперь тебе. А ты не пишешь...

Твоя Надя».

Переписка опять становилась регулярной.

«Дорогой Волоша!

Вот теперь могу доложить, что академ я сдала на «4». Ревела ужасно, так как знала намного лучше, чем сыграла. А как вышла на сцену, как увидела полный зал народа, затряслись и руки и ноги. И не думала, что такое со мной возможно. Сейчас готовлюсь к следующему испытанию — техническому зачету, а тут у меня, мягко говоря, нелады. Плохо, очень плохо, что ты за триста километров и этот третий курс тянется так долго.

Только что пришедшие твои добрые знакомые, а мои верные подруги Ирка и Наташка приказывают письмо смягчить нежнейшими и сладчайшими словами. Подруга же Алла свое приветствие просит прописать отдельно. Знак особого ее расположения к твоим душевным качествам.

Любящий тебя Прулёк».

«Прульком» прозвал Надю он, Володя, за чрезмерное сладкоедство. Она приняла это прозвище, как, впрочем, и «кулему», «кнопку», «кроху», «холерного крокодила»... Все эти прозвища Володя черпал из детских мультимедийных фильмов, которые они оба страшно любили. «Прульком» назывался симпатичный осьминог, который с завидным аппетитом пожирал все вокруг. Чтобы «отомстить» Володе, Надя начала учиться готовить всякие сладкие домашние «финтифлюшки». Во время одного из его приездов в Черкассы она угостила его этими «финтифлюшками». Правда, он их тоже назвал «прульками». Теперь, каждый раз, собираясь в свой короткий «налет» из Чернобыля в Черкассы на улицу Котовского, где Надя со своими подружками — тоже ученицами музыкального училища — снимала «угол», он заказывал:

— Готовьте «прульки».

Если они не успевали это сделать по каким-то причинам, — пропадали на занятиях, не ладилось с репетицией, просто не организовались, — Володя настаивал, чтобы заказ был выполнен в его присутствии. Тогда Наташка надевала на него фартук, Алла повязывала полотенцем голову на манер поварского колпака, Ира торжественно провозглашала:

— Пусть он будет миксером. Через тернии — к «прулькам»!

И работа закипала.

Надя пела «Оду радости», подбирая слова «на местные темы». Володя изображал синтезатор. Как им было тогда весело! Эту «моду» печь «прульки» и приглашать друзей на чай они перенесли позже в свой дом, расширив ассортимент вплоть до конфет «птичье молоко». Правда, чтобы не быть «миксером», Володя сделал отличный миксер... из вентилятора. На Надину восторженную похвалу: «Какой же ты молодец, Прувик», он со свойственным ему юмором, отшутился:

— Не сделай я эту штуковину, ты бы меня заставляла взбивать эти «бизе-брюле», пока рука не отсохнет. Я ж тебя знаю.

Наде как-то пришла такая мысль: его письма — как душа. В них он выливал все то, «що на сердце легло», оставаясь в повседневной жизни обыкновенным, немного молчаливым, чуть ироничным Правиком. Только ей, своей любимой, он мог доверить сокровенные чувства и слова. Только лист бумаги да ручка были свидетелями его откровений. Словно он боялся, что произнесенные вслух слова потеряют всю свою глубину, свой магический смысл, ту тайну из тайн, какой владеть дано только нашим чувствам. Письма сокращали их разлуку сердца.

А дни летели... Осень рыжей злодейкой забралась в черномыльские леса. Закружилась в листопаде. В части полным ходом заканчивалась подготовка к зиме. А Володя с Надей начали готовиться к Новому году. Ведь это был их праздник!

Володя пишет:

«Здравствуй, Наденька!

С огромным, пламенным приветом от себя и моих друзей, родных с наилучшими пожеланиями к тебе Володя.

Вот и снова я веду разговор с тобой, моя любимая, и снова ты рядом со мной: я слышу дыхание твое и мне снова хорошо. Как я счастлив, что у меня есть такой человек, как ты. Есть кому высказать свои радости и печали, зная, что этот человек все поймет, все оценит. Где бы я ни был, что бы ни делал, я всегда ставлю тебя на мое место: а что бы сделала ты в данной ситуации?

Уже осталось 22 дня до годовщины нашего знакомства. И этот год принесет нам счастье, как и тот, уже прошедший. И не будет ему конца. Еще не родился тот соперник, который бы смог стать на моем пути.

Кохана моя, Надійко, лиш одного хочу — нашої зустрічі і коли вона настане, я крикну: «Мить — зупинись! Ти прекрасна! «Рука в руці ми будемо йти по життю, де так багато щасливих облич і кожне випромінює світло».

Справи у мене йдуть по-старому. Роботи, як ніколи багато, кінець року. Хлопці передають тобі привіт великий. Мама теж.

Ніжно обнімаю і міцно цілую.

Навіки твої Володя.

9 декабря 1982 года. Припятъ».

И еще одно письмо, последнее в этом их году.

«Здравствуй!

Вот и приблизился день нашей встречи... Извини, дорогая, пришлось прервать едва начатое письмо. Был вызов, и мы проработали там весь день. Нет, не волнуйся — не пожар. Вызывали работать на один из складов города. Продолжаю писать тебе уже дома. Мне почему-то всегда кажется, что однажды придут домой, а мне скажут: «А у нас гости» — и этой гостьей будешь ты, моя любимая.

Работы много, устаешь не столько физически, как морально: все время с людьми, да еще ответственность большая, да и опыта малова-

то — набираюсь. Дома занялся чтением книг: помогаю библиотеке выполнять план. А за это библиотекарь дает мне интересные книги. Все перечитал. А сейчас опять взялся за Дюма...

В письмах ты не упоминаешь о своей работе, как она у тебя движется. Трудно, наверное, учиться и работать? Как будешь добираться, когда начнется зима по-настоящему? Пожалуйста, смотри за собой, погода специально для того, чтобы простудиться. Одевайся потеплее, не поддавайся ее обманам. Как много я отдал бы, чтобы оказаться на Новый год рядом с тобой.

Любящий тебя

23 декабря 1982 г. Чернобыль».

Этот Новый год им не пришлось встретить вместе: Володя дежурил со своим караулом. Так было и с последующими Новыми годами — встречали врозь по тем же причинам. И только 1986-й им посчастливилось вместе отпраздновать. Первый и последний Новый год в их совместной жизни.

Они этого не знали. Они готовились к свадьбе. Хотя пройдет еще не один месяц. «А сколько будет потрачено листов бумаги и чернил на их письма», — подшучивали подружки. Надя называла их несусветными завистницами и грозилась перерезать струны на скрипках и фортепиано перед самым их академическим концертом. А сама писала Володе:

«В субботу с Иркочкой шли в училище и видели много свадебных машин. Запомнилась одна: она была украшена сосновыми и еловыми ветками. Не машина, а чудо. Где еще то лето, а у меня сердце замирает...»

Володя ей отвечает:

«Привіт з Чорнобиля!

Моя кохана Надійко!

З великим привітом твій Володя. Пишу українською мовою, бо так зможу передати повніше любов свою і ніжність. Скрізі і всюди я дописую до твого імені «моя». Яке це щастя, коли тебе люблять. Мені здається, що ми сто років не бачились. Ластівко моя, твій Вовчатина ніколи тебе не забуде.

Да, кстати, Наденька, ты смотрела материал на праздничное платье? Если тебе нравится, бери. Сошьем.

Как там поживают твои любимые товарищкы, твои телохранительницы и мои союзницы? Как они берегут тебя от погоды ненастной, от глаза неверного? Спасибо им за то, что они хоть немного тебя развеселяют и смотрят за тобой. И еще раз прошу: не ходи с «душой нараспашку», погода не ахти, то мороз, то дождь, смотри не простудись.

Будь здорова, сонечко мое золотое.

Твій Вовчатина.

9 лютого 1983 року».

У Володи чудесное настроение: служба идет хорошо, начальство его ценит, с подчиненными он находит общий язык и понимание, друзья

его любят и уважают. У него есть его Надежда. Есть дом, пусть пока родительский, но будет же и свой: стал в очередь на квартиру. Рядом с ним мама, которую он обожает, есть возможность проявить сыновью заботу: по дому помочь, в хозяйстве руки подставить, когда свободен от «службы». Отец им гордится: сын вроде получился ничего — не пьет, не курит, с компаниями не пропадает, надежная ему подмога. Приедет со своей Припяти — отец немного ревниво относился к этому красивому новому городу, вдруг возникшему как великан и ставшему красивее его родного Чернобыля, — приедет сын и к нему:

— Ну, где там подставить плечо, батя?

А то и не спрашивает, сам видит. То сенца накосит и дров нарубит, да мало чего. Витиным воспитанием занимается. У них в семье так поставлено: старший брат отвечает за младшего. С него и спрос.

Но тогда, весной 1983-го, разве знали они, какая страшная коса пройдет по их жизни! Они готовились к свадьбе. Стали расширять покававшийся им тесным дом по улице Шевченко, 46, делать пристройку — комнату для молодых. Наносились визиты — из Чернобыля в Городище и обратно. Какие это были приятные хлопоты. А какие строились радужные планы! А как по-прежнему нежны и полны любви письма Володи к Наде.

«Здравствуй, мой весенний цветочек!

...Сегодня я получил твоё юбилейное письмо — уже десятое с момента моего пребывания на службе. Видела бы меня, когда я его читал. Я был на десятом небе. Для меня твои письма очень много значат. Я понял, как облагораживает любовь, она делает человека чище, выше, сильнее, мужественнее.

Апрель 1983 года. Припять.»

Наде еще предстоит целый год учиться. Родители обеспокоены: не помешает ли этот ранний брак учебе их дочки? Не отложить ли еще на год, когда будет получен диплом? Нет, решение молодых твердое: только этим летом! Володя дает обещание, что он не будет Надю «срывать с учебы».

Надя, как и прежде, остается в Черкассах, пока не получит диплом. Подумаешь, еще год! Зато все последующие долгие годы они будут всегда неразлучны. И потом — у них же будут отпуска, канукулы и так встечи — на денек-два. А письма?

«Здравствуй дорогая, родная моя Надежда!

С огромным приветом и сердечной благодарностью к тебе твой будущий супруг. Большое спасибо за письмо. В нем частица твоей души, огонек твоего сердца, оно, как и мое, переполнено любовью. Мой милый человек, тем, кто дорожит своими чувствами, разлука не страшна. Там, на вокзале, я еле сдержался, видя твои слезы... Я все бы отдал, чтобы на твоём лице играла веселая улыбка, чтобы никогда, даже тень, даже маленькая грустинка не тронули его.

Я люблю тебя, моя родная. И еще не одна разлука нас ждет впереди: жизнь — дама капризная. Но где бы ты ни была, куда бы ни занесла нас судьба, мы будем вместе, наши сердца будут рядом и жить мы будем в едином ритме — ритме счастья.

Низкий поклон твоим родителям. Они очень хорошие, ведь я у них как родной сын. И мои родители тоже передают им сердечный привет. Мама все нахваливается отцу, как нас принимали в Городищах у моей дорогой тещи, у моей второй матери.

Ты мое большое счастье, любовь моя вечная.

Твой Володя. Пиши».

Вот фото из семейного альбома. Районный фотограф в Чернобыле не особенно и мудрил, снимая «на карточку» эту юную симпатичную пару — молодого и молодую, Володю и Надю, когда они после регистрации брака подкатили в кортеже машин сфотографироваться. И поэтому выбрал для них обыкновенную свадебную «позу»: молодого — в полный рост, а тот еще шутя и прическу сделал как бы на пробор, чтобы уже жених так жених. С него такая радостная улыбка. А молодая, как и положено, на стульчике рядом. Она будто цветок в своем белом свадебном наряде. А вокруг нее на полу рассыпаны маленькие белые цветочки, как звезды счастья; это Володя их рассыпал и тихо шепнул молодой жене: «Чтобы столько детей у нас было — согласна?» А она и не успела ответить: включились софиты, защелкал аппарат. Только вскинула руки и опустила их в раскрытые ладони Володи. Он крепко сжал их. И вот такое вышло обыкновенное фото.

Не знал чернобыльский фотограф, что делает снимок для истории. И они не знали. Были ошарашены своим счастьем. И все вокруг было исполнено такой красоты, все было наполнено такой жадной жизни. Было лето, благодатное лето на благодатной земле: шли в рост буйные травы, звенели солнечными кларнетами леса, завязывалась в садах и огородах всякая «овощь и фрукта». И над тихим домом Правиков и над тихим провинциальным городком Чернобылем тихо сеялся серебряный дождь.

Мамы — Наталия Ивановна и Ольга Онуфриевна, сватья, радуясь этому грибному дождю, а больше всего детям своим, благословляли их на счастье и добро. А соседи и гости, уже готовые укрыться под «шалаш», заверяли, что дождь на свадьбу тоже к добру.

Отгуляли свадьбу. Поехали молодые в свадебное путешествие в Покровку, к Надиной бабушке. Надя опять была в роли Морского волка, а Володя всласть порыбачил с дедом Андреем. А бабушка Елена Прокофьевна, та, которую он тогда «перепугал» своим письмом, исполненным неизъяснимой земной любви, закармливала Володю блинами, сметанкой, борщами. Он бабушке очень понравился.

Надя заметила, что Володю любят и пожилые люди. Он умел с ними говорить на разные житейские темы, понимал их заботы, разделял

волнение. Как-то уже потом, когда они ждали свою Манюню, пригласила их на свадьбу Надина подруга по училищу, та Наташка, с которой они пекли «прульки», когда Володя был «миксером». Они поехали в Новоукраинку на Кировоградщину. Володя там сразу «вписался». Наде все говорили: «Какой у тебя хороший муж. Добрый, внимательный». Играла музыка. Он приглашал Надю танцевать. Она отшучивалась:

— Еще рассыплюсь.

— Ну, тогда я пойду к бабкам. Меня бабки любят.

И пошел на кухню помогать. Переставлял тяжелые кастрюли, чистил картошку, резал цибулю и «плакал» под всеобщий восторг «бабок». Наговорил им всякую кучу небылиц, чем совершенно развеселил всех. Когда они уезжали, то их сумка оказалась тяжелой как камень. Это благодарные поварахи напаквали Володечке на дорогу гостинцев: «Шоб нас, сынок, не забывал».

Недолго пробыл Владимир Правик начальником своего первого караула в СВПЧ-6 по охране города Припяти. Его переводят в новую часть, как сказано в документах, «для укрепления службы на АЭС».

Недавно в Киеве в помещении областного управления пожарной охраны была открыта музейная экспозиция «Памяти мужества и славы». Она посвящена светлой памяти тех, кто шел в первой железной шеренге на еще невиданный в истории бой с вышедшей из-под контроля атомной силой, и тех, кто пришел вслед за ними, пока это взбесившееся чудовище не было заключено в бетонную темницу саркофага. И там я увидела подлинную книгу приказов и документов, свидетельствующую, что такого-то числа, месяца и года лейтенант Правик В. П. назначен начальником третьего караула ВПЧ-2. По какой-то случайности, а может быть, и нет, этот документ оказался совсем рядом с огромной, на всю стену фотографией четвертого блока Чернобыльской АЭС, снятого в первые дни после аварии. Снимок очень четко воспроизводит все те страшные разрушения, которые нанес зданию взрыв. Для большей убедительности и впечатления внизу фотографии разрушенного реактора разбросаны «угли» цвета пепла. Они подсвечены изнутри и отблеск этого «горения» падает на изуродованное здание. Зрелище страшное. Кто-то из присутствующих сказал:

— Так горел графит. А мы по нему — в туфельках.

— А вот здесь, у трубы, на самой высокой точке, над самым жерлом реактора находился Володя Правик. Возможно, он и заглядывал в эту «дыру» — уж очень необычное исходило из нее свечение.

И последовало молчание. Наверное, каждый мысленно перенесся в те дни, когда «горел» реактор, а дети играли в песке. Мамы спешили на рынок купить зелен, чтобы сварить для своих мужей первый весенний зеленый борщ. И многие не знали, где сейчас их мужья, какое выполняют страшное задание. Многих тогда ночью и утром вызвали «на работу». Вызвали, значит так надо. Мало ли чего? Ну, «ЧП», ну, что-то

там «горит». Так потушат, уладят, справятся... «У нас всегда имеют привычку преувеличивать слухи».

Но даже здесь, в музее, глядя на этот снимок беды, на эту искореженную махину здания с темным провалом — ямой посередине, где реактор, трудно себе представить, что здесь в смертельной опасности находились люди. Кто-кто, а они — пожарные, знали, что это такое — радиация, как убийственно ее излучение, чем они рискуют. Знали, но не ушли. Стояли до конца и боролись.

И первый в разведку пошел Владимир Правик — разведал, доложил обстановку, расставил людей. А сам пошел на самое опасное. Все взял на себя! Такая деталь — она поражает, — из его третьего караула, из всех пятнадцати пожарных погиб только он один... Все остались живы. И диву даешься, как в этой страшно напряженной обстановке, где все горело и плавилось, где все на сумасшедших скоростях — дорога каждая секунда, и промедление поистине смерти подобно, — как он смог принять единственно правильное решение (это подтверждено всеми протоколами, комиссиями, рассказами очевидцев и участников этой горячей ночи в апреле), как он сумел в такой момент подумать о людях и, насколько это было возможно и в его силах, насколько позволяла обстановка, выбрать наиболее безопасный вариант для спасения их жизни?! Правое смертельного риска он оставил за собой.

От книги приказов, белееющей на столике среди других экспонатов с именем Правика на развернутой странице и до той, тоже уже ставшей экспонатной «точки» над реактором, где он так мужественно стоял на своем последнем боевом рубеже, — пару шагов. А между ними — вся его служба по охране атомной станции. И вся оставшаяся жизнь.

...Жили они поначалу в доме Правиков по улице Шевченко, в той комнате, которую пристроили отец с Володей. Да что жили! Если приезжала Надя, то всего на недельку, если уезжал к ней в Черкассы Володя, то на день-два. У нее — последний курс, у него — начало работы на новом месте.

Караул ему попался не из легких. Одно то, что он, лейтенант, их начальник и воспитатель, оказался самым молодым — ему едва исполнился двадцать один год, а его подопечным — от двадцати пяти до тридцати пяти. Женатые, отцы семейств. У каждого свой уже сформировавшийся характер. Такому не скажешь «Петя», «Вася». А на приказах тоже далеко не уедешь. Ведь недаром в училище им постоянно твердили: «Вы будущие офицеры, не только начальники, но и воспитатели вверенных вам коллективов». То была наука, а теперь — практика. И практика оказалась куда сложнее. Конечно, он был твердо убежден в том, что у людей его профессии порядок и дисциплина должны быть на первом месте. Но нельзя же поощрять бездумную покорность. Воспитать сознательность — вот главное. «Человек должен понять!» — стало его непреложным правилом. В своих беседах с караулом, в разборе каждого конкретного случая — будь то неряшливость водителя машины, допу-

стившего загрязнение рабочих узлов, кое-как проведенного осмотра объектов, отступление от внутреннего распорядка и предписания, — он старался «давить на сознание», зацепить совесть, кое у кого так комфортно уснувшую. «Да будет сделано, товарищ лейтенант», — говорили. А по глазам же видел: «И чего ты ко мне цепляешься, мальчишка?»

А если не помогали словесные взывания, приходилось действовать личным примером. Тут уже его «дядьки» начинали «чесать потылицу». Так было с теми огромными железными воротами в пожарной части в гараже, которые пока откроешь, уйму времени потеряешь. А их служба — это прежде всего выигрыш в секундах. Только выехала машина — хлоп, закрылись. Начинать сначала.

Володя на ту железную брану «накинул глазом», взял себе в помощь Анатолия Захарова со своего же караула. У него неплохо с техническим воображением, опять же водитель. И стали они делать ворота «послушными». Чтобы по сигналу тревоги сами открывались. Реле, фиксаторы... Работа закипела. Интересно! Сами устанавливали, сами и сварку производили. Правда, молодой командир немного «погарячковал», технику безопасности нарушил — «зайчиков» нахватался. Ходил потом несколько дней с красными глазами. Но какое это имело значение? Его «дядьки» обмацали те ворота — проверяли, видно, работу — и остались довольны: «Ловко получилось». С той браны стали гораздо легче на подъем. Будто она открыла им глаза на своего командира: «Дивись, такое молодое, а дуже справно дело у него получается».

Какое там справно! До справного было далеко. Саша Волковский, этот его друг-неразлейвода, с которым его разлучил приказ о переводе Володи во вторую часть, Саша остался на СВПЧ-6, откуда потом получил направление в Москву — в Академию, куда потом собирался поступать и Володя, — как-то прибыл к нему в гости. А Володя не может ему и руки подать — вся в масле да в мазуте: возится возле машины. А вокруг «хлопцы» его стоят, внимательно смотрят.

— Что это у вас за авторебус? — пошутил гость.

Володя отряхнул землю и приставшие к одежде соринки.

— Занятие у нас внеплановое по состоянию машин, — объяснил. И к своим подчиненным: — Продолжать в том же духе!

Сам как другу признался:

— Зациклился я тут на технике пожарных наших «бричек». Перечистить, смазать и в таком состоянии поддерживать их постоянно!

Всякому простаку ясно, что это в экстремальных ситуациях — экономия секунд, безотказность и надежность в работе. А они: «Да ладно, еще успеется, зачем лишнее «вкальвать» и потом — не наше это дело». Как же мы привыкли к расхлябанности! Сюда б моего деда Ивана. Он бы им показал, где раки зимуют.

И тут же загорелся.

— Понимаешь, дед у меня был золото.

— Да, знаю, Володя, ты уже мне рассказывал в училище.

— А ты послушай еще. Пришел дед с войны — ноги нет. Инвалид второй группы. Большой до косточек. Ты думаешь, сидел на печке? Нет. Попросил работу в колхозе и, поверишь, здоровых оставлял «пасти задних». Завязтый такой человек был. Хоть с виду и тихий. Гордый. А технику любил! Говорит: без техники, как без ног. Тут я уже, наверное, в деда Ивана пошел.

И так это он рассказывает в лицах. А ведь деда Ивана Володя и не видел. Умер дед Иван на посту как солдат 25 мая 1962 года, а Володя родился 13 июня. Три недели не хватило ветерану, чтобы встретиться с внуком. Но в доме Правиков умеют священно хранить память своего простого, работающего, честного рода. Мамины рассказы — «как пришел твой дед с войны» — были, пожалуй, самыми волнующими и захватывающими в детстве. Может, он и пожарным стал под впечатлением тех рассказов? Уж очень много в них было огня и пожарниц.

Все меры приходилось применять молодому начальнику караула. Часто помогал и юмор.

За «короткую ногу» с подчиненными, за излишнюю «демократичность» и мягкотелость, Володе часто попадало от начальства. «Ты командир, твое слово должно быть законом для подчиненного. У нас какая служба? Военизированная. А это значит...»

Конечно, доводы были и правильные и веские. Конечно, надо максимально добиваться четкости в работе. На то она такая — служба, да еще на атомной станции. Но люди есть люди — как к ним, так и они к тебе. У того с квартирой «горит», тому необходимо поехать на денек проведать больных родителей. От этого не отмахнешься. И начинает Володя стучать в соответствующие двери: рассказывает, доказывает. А потом так же популярно о результатах передает и тому, кто обратился с просьбой. Опять же получит «втык»: то, о чем говорится в служебном кабинете, совсем не обязательно выносить за его стены. Тоже как будто верно. Да не совсем. Человек должен знать о состоянии его дел. Он же не машина.

Все это волнует его. И он об этом пишет своей жене, своему другу. Но, конечно же, письмо начинается со слов любви — ведь им приходилось не видеть друг друга неделями, месяцами. «Очень по-современному!» — шутил Володя.

«Здравствуй, моя любимая, родная женушка!

Вот наконец, нашел свободное время и пишу тебе письмо. Кроха моя ненаглядная и верный мой товарищ. Сегодня немножко посадил на свое место начальника. А было это так: он подал на товарищеский суд троих человек, из которых одного ни за что. Человек работает почти десять лет, за этот период ни одного замечания. Одни благодарности. И вот он перепутал смену и не вышел на работу. Плохо, конечно, но ведь это неприятная случайность. Начали его судить. Начальник доволен: все вышло по его. Я поднялся и поставил перед «судьями» вопрос: какое имеет моральное и юридическое право суд рассматривать дело

этого товарища? И предложил снять этот вопрос из судебной повестки. Меня поддержали все. Телятников что-то начал говорить, но его быстро переубедили. После суда вызвал он меня в кабинет и говорит: «Почему не поддержал суд, а выступил против?» Тут мы немного поругались. Но все это ради дела. Все это жизнь. Работы сейчас очень много. Но все будет хорошо. Не волнуйся, не принимай близко к сердцу неудачи, борись с ними и не порть нервов. Такой девиз. Привет всем. Целую.

Правик».

Это письмо Володи я показала Леониду Петровичу Телятникову. Долго мне не удавалась встреча с ним: был продолжительное время в больнице — лечился, после этого поехал в Казахстан — на родину. Затем уехал в Москву, где ему вручали высокую награду — орден Ленина и Золотую Звезду Героя. Потом был занят приемом пожарников. Потом самого Леонида Петровича пригласили в Англию, где он встречался с Маргарет Тэтчер и где ему была вручена награда с символическим названием «За человеколюбие». И, наконец, обусловлено время и место встречи: в его кабинете, в помещении управления пожарной охраны Киевского облисполкома, там сейчас работает подполковник Леонид Петрович Телятников заместителем начальника одного из отделов.

Мне навстречу поднялся невысокого роста поджарый человек. Улыбаясь, протянул руку. Рукопожатие его было крепким и энергичным. Короткая, офицерская стрижка густых рыжеватых волос... Внимательный взгляд. Так подробно пишу потому, что этот человек тоже был на грани «быть» — «не быть» там, в Шестой московской клинике, куда его отправили вместе с теми, кого уже нет среди нас: Владимиром Правиком, Виктором Кибенком, теми, кому высокое звание Героя было присвоено посмертно.

Спрашиваю о здоровье, собственно и мой «досмотр» тоже вызван этим неодолимым, далеко не праздным любопытством — как выглядишь и как чувствуешь себя человек, получивший такой «пакет» радиации?

— Нормально, — отвечает Леонид Петрович, — жить можно и работать тоже.

Разговор заходит, конечно же, о его ВПЧ-2, начальником которой он был. Нелегкий разговор: из тех ста человек, кого уже нет, а кто «расформирован» по разным местам в соответствии с состоянием здоровья. А кто и сейчас в больнице. Ведь все они, его пожарные, в ту ночь и в тот час, и в последующие часы были там, отбивая у радиоактивного огня метр за метром. И каждый же, конечно, получил свою «дозу». Но жизнь есть жизнь, и есть наука медицинская и есть несгибаемый человеческий оптимизм и такие еще неизученные и неиспользованные резервы организма. И так же хочется нам всем, чтобы «лет до ста расти им без старости», этим замечательным сторожевым огня. Потому что каждая, вырванная из наших рядов жизнь — невосполнимая потеря.

Мы говорим о Володе Правике. О его письмах. И о том письме, где упоминается «начальство». Он, Телятников Леонид Петрович, уточняет:

— Случаев много за три года в части было. Приходилось и «гайки закручивать». Дисциплина! А Володя человек слишком добрый, мягкий, да еще такой молодой! Вот иногда и ходил под их влиянием. Тот его просит: «Помоги с отгулом», а другой — «Добейся получить малосемейку, чтобы прописаться», третий — «Напомни, что у меня жена, дети, а очередь на квартиру не продвигается». Вот он и ходит: раз, второй, третий. Объясняя. Неделю не идет, потом опять заявляется: «Хлопцы просят». Не мог отказать людям. Очень он с большим уважением относился к каждому человеку. За себя не пойдет, а за кого-то и десять раз не устанет ходить. Начальник караула должен быть командиром, а они все к нему: «Павлович», «Павлович».

А у нас же было столько работы! Четыре блока охраняли, пятый тоже, который строился. Тут глаз да глаз. Нужно было бы еще одно такое подразделение. Да по штату не положено. Правда, мы добились строительства пожарного депо. Большая часть была уже и построена. Да...

Машет Леонид Петрович рукой. Что, мол, теперь говорить?

— Станцию Володя знал. Дело свое любил. Конечно, были у нас и столкновения. А где их нет, если за службу болеешь! Постоянная учеба, проверка. Все по часам расписано.

Владимир Правик был не очень крепкого здоровья. Но закалял себя, как Суворов. Спортом занимался, в бассейн ходил. С женой. Они вообще старались быть везде вместе, красиво жили. Это редкий случай, чтобы люди так подходили друг другу. Дома я у них был — нам и по службе положено да и так. Интересный разговор у нас тогда получился.

Волнуется Леонид Петрович. Взял сигарету, подошел к окну, покурив в форточку:

— Извините!

По тому, как он вспоминает, как ведет свой «разговор» со своим начальником третьего караула, понимаешь: очень за все тоже переживал он, начальник части. И вся его опасная служба требовала и руки твердой и глаза верного.

Признается:

— Отпуск как-то задержал Владимиру. Нужно было оформить картотеку. Сказал: пока не оформишь карточки прогнозирования обстановки при пожаре, и не просись. Дались мне эти карточки! То, что случилось, никаким прогнозированием нельзя было предсказать. Звание ему на год задержал: хотел добиться полного порядка в карауле.

Чувствуется, нелегко даются командиру эти слова. Говорить не о том, что сделал человеку хорошего, а о том, что мог, но не сделал, — тоже надо иметь мужество. И человеческую боль, что уже нельзя ничего изменить и исправить.

— Теперь вот чувствую перед Володей вину. Испытываю большое уважение, благодарность, гордость командира, что не дрогнул его кол-

лектив в бою, сделал все, что было в человеческих силах и даже больше.

...Но это было потом. А тогда в жизни Володи и Нади опять летели дни и сменяла природа свои «караулы». Лето на осень, осень на зиму, а потом весну. Весна была тоже любимая пора Володи. Он даже зимой, когда ярко светило солнце, и у него было светло на душе, мог восторженно сказать:

— Какой чудесный весенний день!

Вообще весна была семейным праздником Правиков. Первого мая — день рождения отца, девятого мая — день рождения Витюши. Десятого апреля — родится их Манюня... Шутя говорили, что весна самая счастливая их пора. И многие его письма — о весне.

«Моя дорогая женушка! С огромным приветом и наилучшими пожеланиями к тебе твой горячо любящий супруг. У нас уже весна вошла в свои права полностью и безоговорочно. Мы с батеи занимаемся земледелием. Я копаю, он удобрения вносит. Работа идет полным ходом. Работаю с охотой, есть усталость, но это радостная усталость... Вчера копали огород и как раз то место, где стоял наш свадебный шалаш. Вроде недавно это было, любимая женушка, и как давно, баснословно давно. Сколько пробок я сегодня выкопал от бутылок. Конечно, от минеральной воды. Сначала считал, но на 56 сбился со счета и бросил это безнадежное дело. А как напоминало все это хорошие, милые времена нашей свадьбы, когда кругом буяло веселье, смех, радость и во всем этом не было пары счастливее нас, Наденька. Ты у меня самая красивая, самая хорошая, единственная моя. Правда, еще нашел пару сломанных вилок, подумал: кто-то от зависти их потрошил, глядя на наше счастье...

Кладу тебе в конверт подснежник, два их выросло у нас под окном. Пусть этот напоминает тебе обо мне.

Нежно обнимаю, горячо целую. Володя.

Апрель, 1984 года. Чернобыль».

Остались считанные дни до их встречи. Надя учится и работает, у нее ученики. Она строгая и требовательная: за расхлябанность, неуважение к музыке и леность отчислила двух учеников. Зато те, что остались, «такие умные, работающие и не без таланта». Они провожают ее домой, а она читает им стихи Асадова.

Стихи она часто читала и своему Правику. Ее любимая — «Баллада о ненависти и любви», а Володина, — поэма «Хозяин огня», написанная Львом Ошаниным — о пожарном Артеме, пожертвовавшем жизнью ради спасения завода, на котором работал его друг. Он знал ее наизусть, любил читать друзьям в училище, ей, своей Надежде. А позже цитировал отдельные места «хлопцам» в карауле «для назидания и размышления». Эту поэму он переписал в тетрадь аккуратным почерком и еще вначале знакомства с Надеей вручил ей с дарственной надписью.

При этом сказал:

— Прочитай, подумай. Потом скажешь свое мнение.

Она прочитала, содержание ее потрясло. А совпадение их «выбора темы» — еще более. Ведь ее «баллада» была созвучна его «Пожарному». Это была песнь мужеству и любви. Она смотрела на него во все глаза:

— Правик, откуда ты такой взялся?

Стоит, улыбается своей доброй улыбкой:

— А ты как думаешь?

— Думаю, что это судьба.

И сейчас эта тетрадка находится у Надежды. Только с того дня, когда погиб ее Пожарный, она ее не раскрывает. Очень больно! Но однажды после черновыльской трагедии она написала поэту Льву Ивановичу Ошанину, которого привыкла считать своим родным человеком, — ведь его стихи любил Володя. Ведь — вот такая же горькая случайность и неслучайность, — подвиг героя литературного и подвиг ее любимого человека как бы объединились в жизни. «Гибнут первыми те, чья душа безотказна». Как же это понять, как объяснить?

И Лев Иванович пишет Наде очень теплое, полное горечи и сочувствия письмо. Он обещает, что создаст поэму — продолжение, поэму памяти и высочайшей благодарности героям-чернобыльцам. Пожарным!

Действительно, вскоре пришло его второе письмо. В нем были стихи, а на них — четыре слова: «Жене и дочери героя». Это была «Черновыльская баллада».

Сейчас ее слова зывают к нам со стен музея «Памяти, мужества и славы». А из глубины зала смотрит на нас Володя Правик. Будто хочет о чем-то спросить, что-то сказать, напомнить. Его портрет — первый в «Комнате памяти», а рядом — портреты Виктора Кибенка, Василия Игнатенко...

И еще фамилии, имена, отчества — со званиями и без званий, — всех шестерых! — тех, кто в ту непредсказуемую даже в кошмарном сне ночь пошел вслед за лейтенантом Владимиром Павловичем Правиком.

В вечном карауле Памяти!

Но «черновыльская весна» на них упадет позже. А еще Наде и Володе отпущены радостные весенние дни. Еще столько они подарят счастья друг другу. «Дорожите счастьем, дорожите...»

Май сменился июнем — червнем. От слова — червонный, красный. Это их красный месяц — ведь они оба именинники.

Но и этот, третий по счету свой месяц червень они еще не вместе.

Володя поздравляет Надю письмом:

«Здравствуй, любимая!

От всего своего горячего сердца поздравляю с девятнадцатилетием. Ну разве ты могла себе представить, что в восемнадцать лет ты выйдешь замуж, а в девятнадцать будешь хозяйкой нашего дома? Желаю тебе крепкого кавказского здоровья, пусть невзгоды никогда не обрушатся на твою головку, пусть плач и слезы обминут твой дом, забудут о тебе навсегда. Любимая, желаю тебе много Сережек и Наташек в ближайшее

время. Со своей стороны я беру обязательство никогда не обижать тебя, моя нежная крохотулька, буду стараться, чтобы ясно сияли твои голубые, словно небо, глазки. Так получилось, что мы сегодня не вместе, — учеба, работа. А сколько было таких весенних, летних, осенних, зимних дней, когда между нами стояла разлука. Теперь ей конец.

Кстати, солнышко мое ясное, ответь мне на один вопрос: ты написала письмо в Нежин, в пединститут? Ведь тебе надо будет ехать поступать учиться дальше. Смотри мне, жена. Никакие уговоры не помогут избежать этого. Трудности — это временное, и с ними надо бороться. Зато после окончания я тебе разрешу недельку выспаться.

А как на лугу прекрасно сейчас, какой воздух! Там даже плакат вывешен, зовет, на нем написано: «Добро пожаловать к нам. Мы напоим вас ароматом цветов, запахом трав».

До скорого свидания.

Передавай привет родителям, друзьям.

Любящий муж, твой Волошка.

Июнь, 1984 г. Чернобыль».

Письмо пришло утром, а вечером он сам ввалился неожиданно-негданно с охапкой цветов, с подарками: «Такая получилась возможность и я, конечно же, ею воспользовался».

Они не могли наговориться. Но опять же им помешал... Рахманинов. У Нади была дипломная работа — второй концерт Рахманинова. Она должна была дирижировать оркестром. При одном этом сообщении Володя не мог скрыть улыбки.

— А как оркестр такого малыша будет слушаться? Да и пюпитр тебя начисто закроет. Ходули тебе у моих хлопцев заказать, что ли?

И, видя, что она на него готова броситься: «Ну, Правик, погоди!», не сдаваясь, продолжал:

— Знаешь, какие хорошенькие ходульки тебе сделают. Как раз впору придутся — тридцать третьего размера.

Что тут началось! Правик должен был прослушать, как готовится симфоническая вещь, что такое «сольная» партия, а когда необходима вся имеющаяся часть оркестра... И что сила дирижера не в росте.

— Сдаюсь, сдаюсь, эрудитка. Но только на время. Вот приедешь в Чернобыль. Дома и родные стены помогают.

Когда они наконец-то «объединились», то с родителями пришлось им жить недолго. Вскоре Володе дали квартиру в Припяти, и они переехали. Все их имущество вместились в коляске мотоцикла. Все они хотели приобрести сами, хотя и «те» родители, и «те» готовы были безвозмездно ссудить энную сумму на приобретение гарнитура, стенки. Стенку они покупать не стали, а накупили, как хмыкнет Павел Онуфриевич, «якогось ломачья». Это был набор секционной мебели. Дешево, сердито и оригинально! Володя смастерил из этого «ломачья» очень симпатичные сборно-разборные полки, ящички и ящики. А Надя насадила мно-

жество цветов — «вьющихся и ползучих», как тут же дал им оценку Вита, которого тоже привлекали к работе в порядке трудового воспитания. И такая славная вышла комната!

Правда, Володя потом «жаловался» матери, в душе явно довольный:

— Лучше бы купить стогудовый сундук. В доме хоть покой был бы. А то одно «переселение народов». Идешь на работу из своей комнаты, а возвращаешься обратно — в чужую. Все переставлено.

Надя не остается в долгу:

— А чтобы всегда оригинально. Видишь, Правик, теперь у тебя есть гостиная, уголок для отдыха и для работы.

Не сдается:

— И где только сила берется в этих сорока килограммах?

— Зато тебе легче меня на велосипеде катать.

И так без конца.

Надя сейчас вспоминает:

— У нас было всегда весело. Разговариваем, поем, спорим «о смысле жизни», слушаем музыку. Такое впечатление, будто у нас всегда «пловна хата людей».

Эти споры-разговоры они выносили за стены своего дома. То на велосипед — и за черникой. То Володя, глядишь, уже тарабанит котелком.

— Что ты там беспорядничаешь?

— А пойдём в лес кашу варить.

Идут, разжигают костер, вешают таганок. Но та «каша» — только повод, чтобы пообщаться. Ведь столько накапливалось за день у него — в части, у нее — в детсадишке, где Надя работала музыкальным руководителем. В них жила какая-то жажда общения, как будто они боялись, что не успеют сказать друг другу о том, что их волнует, что радует и что огорчает. Рассказывал и о своем карауле — Иване Бугрименко, братьях Леониде и Иване Шавреях, Андрее Короле, братьях Сергее и Николае Лелунах, Анатолии Захарове.

Всех их Надя знала из разговоров мужа, его прежних рассказов. Да и сама приходила в часть с баяном: готовились к празднику — десятилетие части. Ребята репетировали концерт, «капустник» и ее привлекали как причастное к «службе» квалифицированное по части музыки лицо. Она негласно принимала участие и в выпуске «Комсомольского прожектора» — Володя возглавил сей боевой пост. Принесет, бывало, домой материалы с «горячих точек»:

— Давай попробуем разобраться.

Разбирались, Володя любил рисовать, хорошо у него получалось со слогом: напишет остроумно, убедительно, а не обидно. И доволен!

Я встречалась со многими людьми этой огненной, теперь уже и радиоактивной профессии, тех, кто был там, с Володей, когда вдруг взорвалась ночная тишина над уснувшей Припятью и прозвучал сигнал повышенной тревоги на посту в пожарной части. Тяжелые получались разговоры. Они все больше говорили, каким он был в мирной жизни: спо-

койный, выдержанный, очень уважительный к людям, увлекающийся, на все руки мастер. И столяр, и плотник. Хорошо фотографировал и рисовал. Очень любил читать. А какая у него была радиомастерская! Он всех цветомузыкой заразил. Все что-то начали паять! При этом я заметила, что говорили они о нем в настоящем времени. Как-то не поворачивался язык сказать «был».

И каждый рассказ — как повесть о своем начальнике караула и о себе в те «довоенные» дни... Ведь в жизни все так переплетено. И только когда разговор касался того ночного страшного «боя», суровели, курили, молчали, ссылались на документы: там все сказано.

Я сошлюсь на слова друга Володи Правика еще с училища и сослуживца Виктора Мельникова, секретаря их комсомольской организации, делегата XX съезда ВЛКСМ: «Сейчас многие спрашивают, готова ли наша молодежь к подвигу. Думаю, что готова. За всех отвечать не буду. Лично я готов». Эти строки были написаны в апреле 1985 года. Автор их — Герой Советского Союза Владимир Правик.

...Апрель 1986 года. Да ведь тогда родилась их дочь Манюня. Как они ждали ее! Как был накануне обеспокоен Володя здоровьем жены. Он пишет ей «местное» письмо:

«Моя несравненная Кнопа!

Ты хоть питайся регулярно, а то выйдешь на улицу, налетит ветер и понесет тебя в тридевятое царство, в тридцатое государство. А если уже и не ешь, то хоть камешки клади в карманы, или железяки. Так по килограммов пять в каждый — чтобы увереннее стоять на земле и не падать. Выбирай. И потом — подумай про нашу будущую Наташку. Имей совесть. Еще один экзаме́н и ты — мама.

Нежно обнимаю.

Володя

Ноябрь, 1985 года. Припятъ.

Но все обошлось благополучно. Своего «Павловича» поздравлял весь коллектив. А он на радостях принес в роддом два букета тюльпанов:

— Почему два? — спросила Надя.

— Да вас же у меня теперь две женщины. Так вот — чтобы не поругались.

А какое он «приданое» ей купил! Все у матери спрашивал:

— А как вы думаете, это Манюне понравится?

Он уже ей и «жениха» подыскал — из хорошей, очень хорошей семьи... Того же Александра Волковского — Деда Мороза из уже далекой новогодней ночи. Они все время дружили домами и, естественно, «просватали», шутя, детей своих. У Сашки — сын Максим, у Володи — дочка Наталья.

Александр был у Володи в клинике за три часа до его смерти. Удалось как-то прорваться. Правик был верен себе, держался очень мужест-

венно, все повторял: «Я буду жить». Это Александр сказал о Володе и Наде Правиках: «Они жили как лебеди».

А в тот апрельский день Володя, как всегда, был на службе в карауле. Надя выкупала Наталку, накормила и положила спать в кровать. Сама стала стирать пеленки. В открытое окно плыли весенние запахи леса и поля, говор города. Был ранний вечер перед выходным днем. Надя думала о том, что они с Правиком поедут в Чернобыль.

Неожиданно забежал Володя:

— Ты чего? — спросила, не отрываясь от стирки.

— Магнитофон возьму. Нужно с хлопцами что-то веселенькое к Первому маю записать.

Взял магнитофон и к кровати:

— И еще Манюню поцелую.

Ушел. Очень спешил. А она, как всегда, сказала ему вслед их пароль-заклинание, которым всегда провожала его «на службу»:

— Не гори, Правик!

Он на секунду остановился, улыбнулся и махнул ей на прощание рукой:

— Да не буду, не буду.

Разве знала она и разве знал он, что через несколько часов все это и произойдет?..

Я читала суровые и такие лаконичные строчки докладов, объяснений, протоколов. Они шаг за шагом дают представление о той ночи в апреле. Наверное, будет издана книга этих документов — прочитать их должен каждый. Я же приведу только хронику фактов:

Примерно в 1 час 23 минуты последовали два взрыва на станции. Над четвертым блоком взлетели какие-то горящие куски и искры. Часть из них упала на крышу машинного зала и начался пожар. Тревога! Но это была не обычная тревога, а тревога номер три, самая опасная и мобилизующая. Сразу же к месту взрыва выехали пожарная автоцистерна, насосная станция и «рукавный автомобиль» во главе с начальником караула лейтенантом Владимиром Правиком. Прибыв на объект, он правильно оценил обстановку, подтвердил повышенный номер 3 вызов, выбрал решающее направление для работы и, проявляя стойкость и мужество, обеспечил успешное тушение пожара.

Почти полтора часа находился Владимир Правик в невидимых страшных лучах радиации. Личным примером, отвагой и мужеством он вдохновлял своих бойцов, и они бесстрашно шли за своим командиром. Никто не дрогнул, все честно выполняли свой долг.

Они видели и слышали его, там на той «самой-самой» отметке, страшнее, опаснее которой уж некуда.

Я слышал голос Володи по рации в те первые минуты, когда он пошел туда, — рассказывал Виктор Березан.

Они вместе учились в Черкасском пожарном, вместе работали в Припяти. Виктор награжден орденом Красной Звезды.

— Но я не узнал его. Это был голос командира, вполне осознающего, что произошло и чем это грозит. Откуда в нем взялась такая сила и такое высокое присутствие духа? Ведь он знал, чем это для него грозит.

Знал, конечно, знал. Все его знания, вся сила воли, вся энергия сконцентрировались на одном: не дать огню перебраться на третий блок, сбить его с машинного зала, где было столько горячей огнеопасной смеси: водорода, масла...

Думал ли Владимир Правик в те минуты смертельной для него опасности о своей любимой жене Надежде, о своей Манюне? Да, думал. Когда его, обессиленного, забирала «Скорая», он попросил кого-то, кто был в этот момент рядом с ним:

— Передайте Наде и всем-всем. Пусть плотно закроют окна, двери и не выходят на улицу.

Эта последняя просьба Володи передавалась по цепочке теми, кто выезжал, выходил с территории станции, кто сдавал свою огненную вахту, потому что по «третьему сигналу» на место аварии спешила подмога со всех концов области. Все силы были мобилизованы на ликвидацию аварии.

И Володино горькое «воздушное» письмо достигло их дома, где они так недолго были счастливы.

Беспокоился он очень и о матери, Наталии Ивановне, об отце своем Павле Афанасьевиче: «Хоть бы там стариков моих не напугали».

А «старики» ждали Володю утром рано. Огород же надо было копать, картошку садить: «Весна ж такая ранняя выдалась!» Но часы шли... И забеспокоилась мать. Нет-нет, да и на дорогу поглядывает: не идет ли от автобусной? Чтобы время убить, стирку затеяла. Тут кто-то из соседей забежал:

— Не слышали, на станции авария?

А у нее и сердце упало. И все мать поняла: сын ее там. Расписание его караулов она наперечет знала.

Рассказывает Наталия Ивановна:

«И сказала я отцу, Павлу Афанасьевичу:

— Бросай всю свою работу, выводи мотоцикл, поедем на станцию. Ох, чуёт мое сердце великую беду.

Тут он меня, правда, сразу и послушался. И поехали мы на большой скорости. Только недалеко и отъехали: везде перекрыто, не пускают. И тогда мы нашли лесную дорогу, да лесом, лесом, да где на мотоцикле, а где и его на себе тянем, — трясовина, да гребли, да загаты. Долго мы добирались. По дороге от добрых людей узнали, что уже в больнице наш Володечка. И мы туда. Да все в окно смотрели. Передали, видно, ему, что мы приехали. Собрал он силы и в окно выглядывает. А я как посмотрела: «Ой, сынку ж мой милый. Дитя мое дорогое». А ему ж ничего и не говорю. Вижу, и так бодрится, улыбнуться старается:

— Ничего, мама, ничего, папа. Все будет хорошо. Меня тут подштопают. А вы езжайте.

И так он нас просил, чтобы мы уехали. Да не домой, а к Наде. Собрали ее быстро, на Наталочку побольше одеял наматали. Да мы на мотоцикл и тем же ходом на станцию, отправили ее с этого пекла в Городище. Надя Володе записку на столе оставила, чтобы знал, где она, когда вернется. Верила!

А когда вернулись, то Володечку уже везли, сказали, в Москву. И в чем была я, в том и поехала. И клинику ту нашла. И врачи мне сказали все. Но я была с ним до конца.

— А я,— вступает в разговор Павел Афанасьевич,— остался дома. Думаю, может, какая-то весточка придет. И когда уже весь Чернобыль двинулся в эвакуацию, я все ждал. Смотрю, уже последние автобусы идут — райком уезжает. И тут я выпустил все свое «хозяйство» — кроликов, поросят, курей, гусей. Что я уже при этом чувствовал, никому не пожелаю в плохом сне. А потом выпустил и канареечек. — Володя с Надей нам совсем недавно их подарили: «Пусть вашу хату звеселяют». Как они красиво пели! Смотрели мы на них с матерью, и будто это дети наши с нами разговаривали. Открыл я клеточку:

— Летите, милые!

А сам выкатил из-под навеса своего боевого «коня», ударил шапкой об землю, да и поехал в Бородянку. Там мене и телеграмма нашла: «Приезжай, батьку»... И тут я все понял.

Только одно письмо написал Володя Наде из Москвы, из радиологической клиники.

«Здравствуйте, мои дорогие, хорошие Наденька, Наташка!

С большим приветом к вам ваш курортник и лодырь. Это потому, что отлыниваю от воспитания нашей крошки Наташки. В начале письма прошу извинить за почерк и ошибки. Это, кстати, Надя виновата, что писала за меня планы, конспекты и совсем меня разучила держать ручку. Напишите, как Надя с Наташкой доехали домой, не приболела ли, не прихватила ли ее та болезнь, которая сейчас ходит по городу, что-то типа гриппа. Живу я хорошо. Поселили нас в институте — клинике для осмотра. Как вы знаете, здесь все, кто был т о г д а, так что мне весело, ведь мой караул весь при мне. Ходим, гуляем, по вечерам любимеся вечерней Москвой. Одно плохо, что любоваться приходится из окна. И, наверное, на месяца полтора-два. Увы, такие здесь законы. Пока все не обследуют — не выпишут. Пусть Надя живет в Городище. Я приеду прямо к вам, да еще пусть моя дорогая теща посмотрит мне работу, чтобы я мог перевестись.

Надя, ты читаешь это письмо и плачешь. Не надо, утри слезки. Все обошлось хорошо. Мы еще до ста лет доживем. И дочурка наша ненаглядная нас перерастет раза в три. Я по вас очень соскучился. Закрою глаза и вижу Надю с Наталией Владимировной. То, что произошло, вы уже слышали. Я не буду вдаваться в письменные подробности. Да еще

вы меня, пожалуй, и не узнаете, когда приеду. Начал отпускать усы и бороду.

Сейчас у меня здесь мама. Примчалась. Она вам позвонит и скажет, как я себя чувствую. А чувствую я себя хорошо.

На этом буду заканчивать. Не волнуйтесь, ждите с победой, Надя, береги дорогую нам Наташку.

Крепко обнимаю, целую.

Твой навеки Володя»

Май 1986 года. Москва.

6-я клиническая больница».

Позже, когда уже по их жизни прошла та чернобыльская черта, и когда Надя поняла, как беспредельно может тянуться одиночество, она не смогла смириться с тем, что произошло. И придумала себе сказку: «Володя жив. Просто еще не закончено лечение. Вот ему станет лучше и он напишет ей письмо. Самое короткое в мире письмо: «Встречай!» И она ждет. Когда в журнале «Огонек» было напечатано об истории их светлой любви, Надя получила тысячи писем со всех концов страны. Писали ей ровесники и люди старшего поколения, писали матери и целые семьи, студенческие группы и отряды, писали классы. И каждое письмо — восхищение тем, как Володя Правик жил. Как любил, как умел ладить с людьми, за что они ему отвечали глубоким уважением и любовью. Как не дрогнув, совершил свой высокий подвиг. И еще высочайшие слова благодарности. И искреннее участие к ней, двадцатилетней вдове Героя.

Все эти письма Надя бережно хранит и отвечает тоже сердечно, по возможности, ведь у нее на руках маленькая дочурка — точная копия отца. Занимается ее воспитанием. Письма эти — тоже история. Летопись глубокой человеческой памяти. Особенно трогательное письмо, которое пришло от школьников одного класса. Двадцать разных открыток в одном конверте. Двадцать сердечных пожеланий. Вот одно из них. Восьмилетний Володя пишет Наде: «Можно я буду вашим рыцарем?»

Так и продолжается эта история в письмах. И с каждым письмом в дом будто постучится в окошко Володя. Будто скажет: «Любимая, это я».

Галина Алексеевна КОВТУН
ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЛЕЙТЕНАНТА ПРАВИКА

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 14.08.87. Подписано к печати 14.10.87. А 00445. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,31. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80000. Изд. № 2397. Зак. № 1129. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● ПОПОЛНЕНИЕ ВКЛАДОВ БЕЗНАЛИЧНЫМ ПУТЕМ

Сберегательные кассы помогают трудящимся более правильно строить личный бюджет, целесообразнее использовать получаемые доходы.

Вклады можно пополнять как наличными деньгами, так и путем перечисления сумм из получаемых доходов.

Для пополнения вкладов безналичным путем необходимо подать в бухгалтерию предприятия, организации, колхоза заявление о перечислении сумм из денежных доходов на счет по вкладу. В сберегательную кассу можно перечислять суммы из заработной платы, единовременное вознаграждение за выслугу лет, денежные заработки колхозников, пенсии, средства, причитающиеся населению за проданную государству сельскохозяйственную продукцию, страховые суммы, выручку за предметы и вещи, реализованные через комиссионные магазины, и т. д.

Безналичная форма пополнения вкладов экономит Ваше личное время.

ПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС СССР